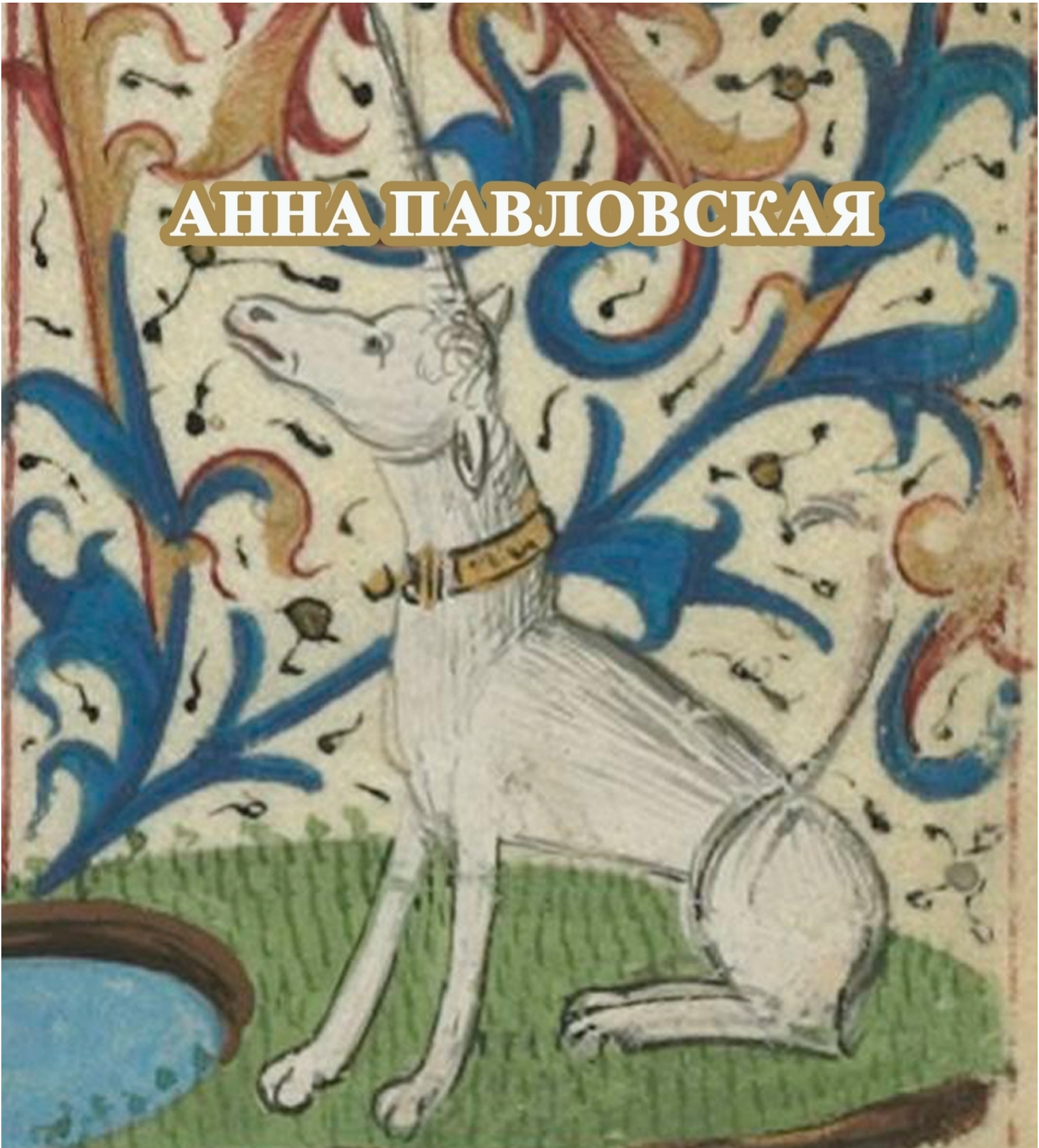

АННА ПАВЛОВСКАЯ

В ПОИСКАХ ЕДИНОРОГА

Из цикла „Тайны герцогов бургундских”

Книга ПЕРВАЯ

16+

Тайны герцогов бургундских

Анна Павловская

В поисках единорога

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Павловская А.

В поисках единорога / А. Павловская — «ЛитРес: Самиздат»,
2016 — (Тайны герцогов бургундских)

ISBN 978-5-532-08645-6

Цикл посвящен малоизвестному, но яркому эпизоду средневековой истории – взлету и падению герцогства Бургундского. Действие книги развивается в двух эпохах: середине XV века, времени расцвета и падения герцогства Бургундского, и в начале века XVI, когда к власти в Европе пришли новые силы. Героиня цикла, Маргарита, как и ее мать Мария – последняя властительница герцогства Бургундского, проходит через испытание любовью, властью, смертью близких, предательство и войны. В оформлении обложки использована миниатюра из средневековой рукописи "Le Livre des hystoires du Mirouer du monde" (XV век).

ISBN 978-5-532-08645-6

© Павловская А., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Увертюра	5
Акт I. Амбуаз. Королева. 1491	6
Глава 1. Утро в замке	6
Глава 2. Королевское застолье	15
Глава 3. Тени прошлого	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Увертюра

Солнечным звонким весенним утром в старом замке умирала последняя принцесса сказочного королевства. Вокруг бестолково топтались слуги, не умея помочь ей; плакала воспитавшая ее тетка; отдавал бесполезные приказания всегда такой решительный, но потерявший самообладание супруг. В замке царили отчаяние и суета. Но никто и представить не мог, что наступает конец сказки, он неизбежен и неотвратим, остановить его уже никто и ничто не может, даже святая покровительница умиравшей Дева Мария.

Принцесса была молода и прекрасна. Совсем недавно ей исполнилось 25 лет. Ее золотые волосы раскинулись по подушке, прекрасные серо-карие глаза, восхищавшие поклонников, потемнели от боли, пухлые алые губы были искусаны – она не хотела пугать своих близких еще больше. В ее жизни все было как в настоящей волшебной сказке: несметное богатство, беззаботное детство в роскоши и благополучии, бесчисленные женихи, воитель-отец, раннее сиротство, мачеха, кровавые войны, смертельный враг, страшная катастрофа, перевернувшая ее жизнь, предательство близких, казни и смерти тех, кто остался ей верен; наконец, прекрасный рыцарь-спаситель, «белый король», любовь и семейное счастье. И умирала она в ветхом замке, стоявшем посреди пруда, в окружении темного леса и мрачных болот. Старые замшелые деревья с темно-зелеными от мха стволами еще не выпустили первую листву, весна не успела пробиться в эти северные края. Ясный день был морозным, в мелких лужицах застыл лед.

Акт I. Амбуаз. Королева. 1491

Глава 1. Утро в замке

Маргарет проснулась в слезах. Уже не первый раз ей снятся тревожные сны. Она долго лежала, пытаясь вспомнить странный, просто нелепый сон: она гуляет в огромном старинном парке; ясный день, светит солнце. Кто-то из свиты указывает ей на большую белую маргаритку, растущую в траве, она внимательно смотрит на нее и замечает ослика, который тянется к цветку, пытаясь съесть его. Маргарет изо всех сил цепляется за шкуру глупого животного, тянет его от цветка, но силы ее слабеют – и нежная белая маргаритка становится добычей прожорливого ослика. Глупый детский сон! Есть из-за чего плакать! Утреннее солнце проникло в комнату, и Маргарет стала рассматривать пестрый гобелен, закрывавший серые холодные стены замка-крепости. С детства это было ее любимым утешением в трудные минуты. Она знала, что гобелены прибыли с ней вместе из далекой загадочной Фландрии, ее родины. Все говорили, что это далеко на севере, там сумрачно, холодно и зимой лежит снег. А рисунки были теплые, яркие, их украшали сотни, тысячи мелких цветов, собранных в изящные соцветия и букеты, и ни один из них не повторялся. Среди цветов гуляли птицы, из травы выглядывали ушастые зайчики, которых Маргарет особенно любила разглядывать в раннем детстве.

Соседнюю комнату украшали многофигурные шпалеры. На них Александр Великий, окруженный толпой людей в роскошных одеяниях (даже на самых пышных сборищах в Амбуазе Маргарет таких не видела), то сражался с индийской армией, то принимал дары царя Дария, то короновался в Вавилоне. На последнем полотне он умирал, выпив яд на пиру. Маргарет хорошо знала и любила историю, она вообще была прилежной ученицей. Среди ее книг были и рассказы о деяниях Александра, и о военных походах Цезаря, и о Троянской войне. Героические деяния предков, которые, как говорили, и правда были ее предками, вызывали у нее восхищение и гордость.

Но самыми любимыми были яркие ковры, изображавшие охоту на единорога. Когда-то давно одна из ее нянек, итальянка, рассказала ей легенду о единороге:

«Удобно расположившись в тенистом саду, охотники предавались воспоминаниям о самых невероятных приключениях, которые порою случаются на охоте. Но вот разговор зашел о таинственном единороге.

– Это не зверь, а сущий призрак! – воскликнул один из охотников.

И действительно, в последнее время по всей округе только и разговору было, что о маленькой лошадке с длинным рогом на лбу. Многие божились и клялись, что видели ее, но никому еще не удалось изловить диковинного зверя.

– А может быть, это злой дух, посланный из преисподней, чтобы следить за нами, грешными? – спросил один из охотников.

– Вряд ли. Единорог слишком красив и безобиден, чтобы быть злым, – возразил другой. – Но изловить его – дело мудреное, и тут нужна особая смекалка.

Чуть поодаль сидела за пяльцами миловидная девушка. Слушая эти речи, она улыбалась про себя. Кому-кому, а ей хорошо был известен нрав таинственного незнакомца, ибо она водила с ним дружбу, о чем никто не ведал в округе. Дело в том, что сторонившийся всего дурного и злого маленький неуловимый единорог тянулся к добрым красивым девушкам.

Когда охотники разошлись и сад опустел, из-за кустов осторожно вышел единорог. Неслышно ступая по траве, он приблизился к своей подружке, улегся перед ней и, положив морду ей на колени, уставился на девушку преданными глазами. Его взгляд был полон нежности и восхищения. Единорог давно привязался к этой трудолюбивой девушке и привык коротать с

ней время в тишине, любуясь ловкими движениями ее рук за работой. И его подруга ценила эту привязанность, дорожила дружбой с единорогом и свято хранила свою девичью тайну.

Да разве тайну долго уберешь, коли мирская молва, что морская волна, все выплескивает наружу. Выследив, как единорог тайком навещает свою подругу, охотники устроили засаду и изловили поклонника девичьей красоты».

Маргарет любовалась прекрасным грациозным белым зверем. Он был бесстрашен – не боялся охотников, его нельзя поймать или убить просто так. Он спокойно смотрел на суесящихся людишек, презирая их. Он был нежен – его голова покоилась на коленях прекрасной девы, только ей он подчинялся, и только верность ей могла стать причиной его гибели. Он был велик, когда погибал от копий подоспевших охотников и капли алой крови падали на прекрасные цветы. И он был непостижим и прекрасен, когда воскресал в прекрасном саду. Что-то сладко сжималось в груди Маргарет, когда она смотрела в его спокойные глаза. Она верила, что он существует на самом деле, и нисколько не сомневалась, что встретит его.

Вот и сейчас – слезы высохли, она вскочила с кровати, подбежала к стене и прижалась к белому единорогу щекой. Почему ей всегда казалось, что, прижимаясь к нему, она чувствует материнскую ласку?

Она ведь и не знала, что это такое – материнская ласка. Ее мать умерла, когда Маргарет было два года. А еще через год девочка оставила семью и переехала жить в Амбуаз. Ее дом – здесь, никакого другого она не помнила и не знала. Иногда она писала письма своему отцу, брату и бабушке. Тетушка Анна внимательно читала их и делала замечания, если видела в них что-то недостойное высокого звания королевы. Маргарет покорно их переписывала. Письма, которые приходили ей в ответ от незнакомых ей родных, были тоже вполне королевскими – спокойными, достойными и абсолютно пустыми. Трудно было представить, что кто-то и где-то ее любит. Только здесь, в замке на Луаре, были близкие и любимые ею люди.

Какое-то смутное беспокойство временами всплывало из глубин подсознания: воспоминания? чьи-то забытые рассказы? или неясные намеки окружающих придворных? Где-то там, далеко и давно, были слезы, хмурые лица, жалость в глазах, устремленных на нее, заснеженные холмы, долгая и утомительная дорога в окружении чужих людей. Все это было в давно забытом прошлом. А настоящая жизнь началась здесь, на берегах царственной Луары, в старинном замке, похожем на уютный семейный дом.

Сколько она себя помнила, она всегда жила здесь. Из рассказов она знала, что в три года ее привезли во Францию – сначала в Париж, где жители устроили пышную встречу своей будущей королеве. А потом почти незамедлительно в Амбуаз, в замок, где родился и рос ее будущий муж Карл, единственный наследник французского престола, и где ей предстояло учиться премудростям королевской жизни под руководством тетушки Анны де Боже, сестры Карла. Это был июнь 1483 года. Бракосочетание тринадцатилетнего Карла и трехлетней Маргарет состоялось почти немедленно. Маленькое золотое колечко, которое надел ей на палец юный муж, Маргарет хранила в особом ларце, украшенном драгоценными камнями и инкрустацией. Оно теперь не налезало ей даже на мизинец, но вызывало нежность и гордость. Пусть еще и не полностью, но она уже практически жена короля и королева Франции, одного из самых прекрасных и великих государств мира. Она тоже внесла свою лепту в величие своей страны: ее приданое составляли богатые графства Артуа и Франш-Конте, которое еще по старой памяти называли графство Бургундское.

Конечно, она не помнила праздника в Амбуазе по случаю своей свадьбы: театральные представления, украшения на центральной площади, фонтан, из которого било вино. Но это помнили окружающие и относились к ней с должным почтением. Через два месяца после ее свадьбы скончался ее свекор, король Франции Людовик XI, человек, не зная которого, она почему-то боялась и уважала одновременно. Ее юный муж стал Карлом VIII – королем Франции.

Она была счастлива. Любила старый замок, который совсем не казался ей мрачным: серые холодные стены украшали нарядные шпалеры, пол покрывали мохнатые ковры, привезенные из далеких восточных стран, в холодную погоду зажигались огромные каминные. В замке долгие годы жила ее свекровь Шарлотта, которую поселил здесь король, предпочитая жить и управлять государством отдельно от семьи. Здесь эта тихая и незаметная женщина прожила свою жизнь, родила восьмерых детей, из которых выжили трое: дочь Анна – умная и властная; некрасивая и несчастная Жанна, выданная замуж за красавца герцога Орлеанского, открыто избегавшего ее, и наследник престола Карл. Карл был любимым и балованным дитятей, над его здоровьем тряслась не только королева, но и обычно равнодушный к своим близким король. Ему все разрешали, стараясь угодить всем прихотям, но и многое запрещали из боязни ослабить и без того слабое здоровье.

Благоговевшая перед своим мужем Людовиком, не имевшая никакого влияния при дворе, Шарлотта позволяла себе некоторые слабости. Одной из них были удобства и даже роскошь, которыми она окружила себя в Амбуазе. Если уж ей суждено было прожить жизнь фактически в заточении, то эта жизнь должна была быть красивой. Замок ломился от красивой мебели, богатой посуды, дорогих украшений. Обслуживал королеву штат из 150 человек. В замке был разбит красивый парк, построены клетки для диковинных животных. Согласно моде своего времени, в них содержали львов, обезьян, ценившихся на вес золота попугаев. Отдельные клетки были наполнены канарейками, распевавшими на разные голоса. Все это окружало маленькую Маргарет с детства. Королева Шарлотта умерла через несколько месяцев после своего деспота-мужа, а ее наследство в замке и память о ней остались ее детям. Хозяйкой в замке стала Анна. Ее не любили. Придворные повторяли фразу, которую кто-то слышал от ее отца Людовика: «Моя дочь Анна – самая неглупая из всех женщин, а умных мне не довелось встретить». Эта фраза ей льстила, ее произносили открыто, а вот другое высказывание покойного короля – «Анна – единственный мужчина в моем королевстве» – произносилось шепотом, Анна и сама ощущала в себе порой недостаток женственности. Она была похожа на отца – расчетливая, холодная и очень практичная.

Маргарет много и прилежно училась. Она понимала, что будущая королева должна многое знать и уметь. Помимо чтения книг и изучения истории и дипломатии, она постоянно совершенствовалась в иностранных языках, изучая латинский и немного греческий языки. Она танцевала и пела, играла на музыкальных инструментах и сочиняла стихи, вышивала и рисовала. И все это делала с удовольствием и мастерски, ее талантами восхищались не только льстивые придворные, но и придиричивая тетюшка Анна, часто ставившая ее в пример другим девочкам, также воспитывавшимся в замке.

В свободное время она играла со своими подругами, а если предоставлялась возможность, то и с королем, и с совсем взрослым герцогом Людовиком Орлеанским. Маленькая девочка была очень разумна и рано научилась вести беседы со старшими. Карл и Людовик нередко играли с ней и другими девочками в мяч: в замке было оборудовано аж два зала – крытый и открытый для хорошей погоды – для любимой королевской игры. Она была неутомимой охотницей, знала повадки ловчих птиц и могла вылечить заболевшую охотничью собаку. Она любила парк, примыкавший к дворцу, и маленький огород, в котором на особой грядке выращивала лекарственные растения: знанием их лечебных свойств она особенно гордилась. Ее завораживал вид из замка, она могла часами бродить по террасе, любуясь окрестностями: замок стоял на высоком холме, и долина Луары расстилалась прямо под ним; слева же жил своей кипучей жизнью городок Амбуаз, а часовая башня отбивала время, которое пролетало так быстро! Ее жизнь была почти безоблачной до недавнего времени. Что произошло? Она не понимала. Но грустила все чаще, и ее прогулки по парку становились все более меланхолическими. Может быть, она просто выросла – ей ведь уже одиннадцать! Впрочем, королева не должна поддаваться плохому настроению и дурным мыслям.

Маргарет вспомнила, что сегодня вечером будет большой прием, и повеселела. Приезжает Луиза, по которой она так соскучилась! С тех пор как три года назад она вышла замуж за Карла, графа Ангулемского, она первый раз поехала к нему погостить надолго в его замок в Коньяк. Как и Маргарет, она еще не стала «настоящей» женой графа. Однако этот день был близок: через несколько месяцев ей предстояло окончательно переехать из Амбуаза, где она, как и Маргарет, выросла, в свой новый дом к мужу. Луиза была старше на четыре года, и они часто говорили о том, что их ожидало в новой, настоящей семейной жизни. Муж Луизы был стар, ему было за 30, и Маргарет с нетерпением ждала рассказа подруги о нем и его доме. Луиза ничего не боялась в жизни, она была готова сбежать куда угодно из Амбуаза. Маргарет любила этот замок и с уважением относилась к тетушке. Луиза же ее ненавидела, ее раздражали строгости и постоянный надзор за царственными девочками, требования вести себя «как надо», держать себя «достойно», постоянно сдерживаться и подавлять свои чувства. К тому же при дворе ее воспринимали как бедную родственницу, ее подарки на праздники заметно отличались от тех, которые получала Маргарет. Луиза не была завистлива, она верила, что свое еще получит – или возьмет. Но все-таки ей было обидно. В конце концов, она приходилась двоюродной сестрой королю Франции! И самой тетушке, между прочим. Карл, этот старик, стал ее шансом вырваться на свободу.

Луиза и Маргарет воспитывались вместе и очень сдружились. Они были разные: Маргарет – спокойная и уравновешенная до холодности, Луиза – непоседливая и немного легкомысленная. Маргарет любила размышлять в уединении и сочиняла стихи. Луиза предпочитала действовать и увлекалась рисованием. Обе учились с удовольствием; особенно захватывающей была для них политика и дипломатия – нередко они с серьезным видом обсуждали международные проблемы и судьбы мира, которые вершили их ближайшие родственники. Обе были поклонницами искусства, только Луиза обожала жизнерадостную итальянскую живопись, а Маргарет отдавала предпочтение сдержанной фламандской и германской. Маргарет ревностно посещала церковные службы, ее любимым местом в замке была капелла святого Флорентина. Луиза же с трудом могла досидеть до конца службы. Но им было весело вместе, к тому же они были родня – мать Луизы была родной сестрой бабушки Маргарет. И хотя они обе не знали ни ту, ни другую, родство добавляло им близости в отношениях.

С Луизой приедет и ее брат Филиберт, красивый и застенчивый. Маргарет любила и его тоже, они часто вместе играли в детстве, а став старше, делились новостями и знаниями, обсуждали окружающих. С ним было легко и спокойно. Он был ровесник Маргарет, но она считала его младшим братом и относилась к нему слегка покровительственно. Все-таки она была королева и замужем, а он – всего лишь один из многочисленных отпрысков Савойского дома, имевший крайне мало шансов получить титул герцога.

Мысли Маргарет были прерваны стуком в дверь. Утро наступило, и пришла пора вернуться к своим обязанностям. Распорядок в замке соблюдали строго, даже если тетушка Анна и отсутствовала долгое время. Придворные дамы помогли Маргарет одеться в простое темное платье и проводили ее через открытую террасу замка до часовни святого Флорентина. День в замке начинался с мессы. Девочка повеселела: март месяц, а на улице совсем тепло, зеленая трава решительно пробивается сквозь сухую землю, кусты в парке покрылись нежной зеленью, птицы распевают громко и радостно. Обычно спокойная и величественная Луара катила свои бурные и мутные весенние воды. После зимней спячки в воздухе чувствовалось возрождение жизни.

Они с Карлом давно обсуждали планы перестройки замка, мечтая превратить его в прекрасный дворец, достойный звания королевской резиденции. Уже началось строительство новой часовни, вписавшейся в мощную стену, – Маргарет с удовольствием отметила, что она уже начинает принимать удивительно воздушные формы, контрастируя с тяжелым силуэтом замка. Казалось, она парит над Луарой. Карл обещал посвятить ее святому Губерту Льежскому,

особо чтимому на ее родине во Фландрии, где он прославился, будучи епископом Маастрихта. Это был их тайный сговор, любезность, которую король обещал своей жене. Губерт к тому же считался покровителем охотников, а юная королевская чета обожала охоту.

Когда Маргарет вернулась в свои покои, ее уже ожидал завтрак: свежесдобитый душистый хлеб, кусок твердого сыра, вино, разведенное водой. На большом серебряном блюде были разложены сладости: сваренные в патоке кусочки имбиря, инжир и сладкие финики. Маргарет была голодна: она встала рано, прошлась по свежему воздуху, – молодой растущий организм требовал пищи. Однако она помнила, что есть по утрам неприлично для дамы, хотя и простиительно детям. Так что она отщипнула кусочек хлеба, выпила вина и, не удержавшись, съела сахарный финик.

В соседней комнате уже ждал Жан Эй, рисовавший ее портрет по заказу тетушки Анны де Боже. Он был соотечественником Маргарет и прибыл во Францию одновременно с ней. Пьер, герцог Бурбонский, супруг Анны, высоко ценил его живопись и пригласил в качестве придворного живописца. Жан жил неподалеку в Туре, приезжая в Амбуаз в ясные дни, когда считал, что освещение подходит для создаваемого им портрета. Сегодня был как раз такой день.

Маргарет облачили в тяжелое алое бархатное платье, отороченное горностаем, – украшать наряды мехом этого редкого зверька разрешалось только королевским особам; убрали русые волосы, спрятав их под парчовым, расшитым золотыми нитями покрывалом. Лиф платья украшали вышитые монограммы М и К – первые буквы имен ее и короля: после свадебной церемонии такого рода монограммы появились по всему замку. Наконец, на грудь водрузили массивную подвеску, наследство ее матери: большой красный рубин в форме сердца, огромная жемчужина, а над всем этим – птица, клюющая себя в грудь, чтобы накормить птенца. Маргарет любила надевать фамильные драгоценности: они были прекрасны и восхищали своим изяществом и великолепием французский королевский двор. По их образцу дамы потом заказывали себе украшения, но ничто не могло сравниться с оригиналами.

Маргарет села у окна и попросила пригласить Жана. Она любила позировать: можно было спокойно подумать, а иногда и поболтать с художником – он был ей симпатичен, совсем не робел во дворце и не стеснялся говорить то, что думал. Маргарет знала, что она не блещет красотой, – ее украшением была статная осанка, серьезные и немного грустные карие глаза, ясный лоб. Но на этом портрете ей хотелось быть красивой: предполагалось, что будет и вторая половина – портрет Карла. А здесь многое зависело от художника.

Жан вошел, склонился в поклоне и неожиданно печально взглянул на нее.

– Как вы, ваше величество? Не грустите? Рад видеть вас веселой. Я боялся, что глупые слухи огорчили вас.

– Я не люблю и не верю слухам, Жан. Сегодня прекрасный весенний день, скоро приедут гости, и у меня отличное настроение. Вы же знаете, как я люблю Луизу и ее брата. Надеюсь, что и тетушка скоро будет дома.

Анну де Боже ожидали со дня на день. Ее единственный выживший сын Шарль – вялый, молчаливый пятнадцатилетний юноша – был слаб здоровьем, поэтому новость об ожидавшемся скором прибавлении в семействе де Боже обрадовала всех, кто испытывал дружеские чувства к ним. Впрочем, таких при дворе было немного, Маргарет являлась здесь исключением. Она высоко ценила твердый характер и глубокий ум своей наставницы. Интриги и борьба за власть ее пока не интересовали. Она помнила, что именно Анна с самого раннего детства была всегда рядом и помогала ей словом и делом. Анне были чужды нежные чувства и сантименты, но Маргарет их и не ожидала. Осознание того, что она королева Франции, наложило отпечаток на ее жизнь и характер. Она не могла быть такой, как все, ей уготована особая роль, и это чувство отделяло ее от остальных людей. Только с Карлом она чувствовала себя равной: он ласково называл ее «моя маленькая королева» и делился с нею всеми планами. Царствен-

ные дети взрослеют рано, вот и Маргарет к 11 годам понимала больше и чувствовала сильнее, чем ее сверстники.

Она скучала по Карлу. Вместе с Анной, своей сестрой и регентшей, он воевал в далекой Бретани. Маргарет прекрасно разбиралась в современной политической ситуации, она знала, какое значение Бретань имеет для Франции, ее величия и единства. Эта война была затаенной болью Маргарет – невольно она оказалась в сложном двойственном положении: весь пожар разгорелся из-за ее отца, Максимилиана Габсбурга, короля Германии и сына императора Священной Римской империи. Три месяца назад он женился на тринадцатилетней Анне, герцогине Бретонской, наследнице обширных земель, не дававших покоя многим монархам. И в первую очередь Франции, много раз пытавшейся присоединить Бретань к своим владениям. Военные действия на востоке Европы не позволили Максимилиану лично приехать на свое бракосочетание, так что был совершен так называемый брак по доверенности. В декабре 1490 года в соборе города Ренн Анна Бретонская сочеталась браком с приближенным эрцгерцога Максимилиана, представлявшим своего господина. Такой брак считался вполне законным и был принят среди занятых государственными делами особ королевского звания, которым часто не хватало времени даже на собственную свадьбу. Жена была слишком молода, и Максимилиан не спешил обнять ее лично, считая политический вопрос улаженным, а интимный – преждевременным.

Маргарет вспомнила, какая суматоха началась в Амбуазе, когда пришло известие об этом браке. Анна заперлась в своей комнате с мужем. Было срочно послано за Луи де Ла Тремуyleм, в военных вопросах он был главным советником Анны. Потом она отправилась в покои Карла. А вскоре после новогодних празднований, прошедших первый раз довольно поспешно и без обычного веселья, все они – и Карл, и де Ла Тремуyle, и даже беременная Анна – отправились в Бретань, куда еще раньше было отправлено значительное по своему размеру войско.

Маргарет снова загрустила. Вот с этого момента в ее жизнь вошло смутное, ей самой неясное волнение, а по ночам стали сниться беспокойные сны. Вроде все оставалось по-прежнему. Все были с ней ласковы и почтительны, величали ее «ваше величество» и угождали, как могли. Но что-то переменилось, трудно было сказать, что: то она ловила на себе любопытный взгляд прислуги, то придворные дамы улыбались слишком натянуто, то ее любимая няня смотрела с жалостью. Как сейчас Жан. Или это ей кажется? И она просто скучает по Карлу и не может уже дожидаться, когда брак их станет настоящим и они смогут жить вместе и больше не разлучаться. Еще три года, и она будет считаться взрослой. А до тех пор надо набраться терпения. Но как же это трудно! Она ведь уже не ребенок, и детские радости для нее в прошлом. Ее сердце открыто для любви – не детской привязанности, которую она всегда испытывала к Карлу, а настоящей, взрослой, о которой шепчутся вечерами служанки и которой посвящены рыцарские романы. Она хочет прижаться к нему, как к белому единорогу на гобелене, и успокоить волнение своей души.

Карл, конечно, избалован, он никого не слушается, всегда хочет поступать по-своему. Маргарет прекрасно видит, как пытаются противиться его планам его советники. Но разве король не должен быть сильным и властным? А главное – он такой добрый, у него такое нежное сердце. А его нескладная внешность и неуклюжие манеры ничуть не делают его несимпатичным, он милый и всегда нежен с ней, своей маленькой женой. В глубине души девочка догадывалась, что капризы и упрямство – не признак силы, но все равно для нее Карл был лучше всех!

Маргарет встала со своего места у окна и подошла к портрету. Грустная, задумчивая и немного обиженная девочка смотрела куда-то в сторону, как будто внутрь себя. За спиной ее в окне был виден веселый пейзаж Луары и замок с круглыми башнями. Он резко контрастировал с бледным лицом и печальным изгибом губ. Совсем не такой хотела видеть себя Маргарита на портрете с мужем, но Жан был непреклонен. «Я рисую то, что вижу», – сказал он. «Или то, что скрыто глубоко в душе?» – подумала Маргарита, но спорить не стала.

В кабинете ее ждала Карлотта. Дочь наследника короля Неаполя, по материнской линии она была правнучкой Карла VII, деда нынешнего короля Франции. Ее мать Анна из Савойского дома умерла при родах, и с тех пор Карлотта воспитывалась при французском дворе. Вместе с Маргаритой и Луизой они составляли своеобразную школу принцесс, существовавшую в Амбуазе более десяти лет на исходе XV века. Карлотта была тихой и смиренной, ее будущее вселяло ей мало надежд. Отец давно женился и обзавелся новыми наследниками, ее титул княгини Таранто был призрачным, так как княжество прекратило свое существование, королевская кровь не давала средств к существованию, и у нее было два выхода: монастырь или удачное замужество. Первое ее привлекало – она была набожной, любила читать духовные книги и вышивать церковные покрывала. Второе пугало: она была застенчива и избегала больших скоплений людей.

Руководившая девочками Анна, в свою очередь, внушила Карлотте мысль о том, что она не представляет никакого интереса для окружающих, и девочка и не догадывалась, что на самом деле является лакомой приманкой для состоятельных женихов, стремившихся облагородить свою кровь и придать вес своему имени. Властная «всеобщая тетушка» удачно использовала своих подопечных в своих интересах и намеревалась сама подыскать нужную партию для воспитывавшейся под ее крылом сироты. Как она сделала с Луизой, отдав ее старому, некрасивому и славившемуся своими любовными похождениями графу Ангулемскому. Он принадлежал к Орлеанской ветви французского королевского дома, представители которой всегда являлись потенциальными соперниками правящей династии. Конечно, теперь, когда здоровье короля Карла окрепло, прямой династии Валуа ничто не угрожает. Маргарет тоже здорова, королевские медики регулярно осматривают ее. Но, как женщина дальновидная и несентиментальная, Анна не брезговала ничем. Кто знает, что там ждет в будущем.

Анна де Боже серьезно относилась ко всему, в том числе и к своим обязанностям воспитательницы юных высокородных дам. Принципы, которые внушала своим подопечным Анна, были просты и вечны. Не делай, не говори и не думай ничего такого, что может прогневить Бога. Помни о смерти и веди себя так, чтобы спокойно встретить свой последний час на земле. Помни о своем роде и гордись своими предками. Анна подчеркивала, как важно понятие «крови» и «родства». Даже если у тебя есть сомнения, тебе скучно и неинтересно, уважай и привечай кровных родственников, это очень важно. Помня о прошлом, не забывай и о будущем: веди себя так, чтобы твоя репутация осталась незапятнанной в памяти потомков, – что бы ты ни делала, будь безупречно честной, скромной, учливой и верной слову.

Юная девушка должна хранить себя в чистоте – на этом моменте Анна останавливалась особенно часто: женщины, которые хотят иметь хорошую репутацию и прослыть достойными, должны поставить свой ум, волю и чувства на службу добродетели. Опасайся мужчин – они всегда готовы наобещать сверх меры для того, чтобы добиться расположения женщины. Не ищи тайных встреч, не слушай любовный вздор, не позволять себя нигде трогать.

Говорила Анна и о замужней жизни. Жена должна быть покорной мужу и слушаться его во всем, но всегда быть начеку, чтобы уберечь себя от его глупости и быть уверенной, что ее не обвинят в его ошибках. Быть готовой действовать, но никогда не показывать свою готовность. Уметь подчиниться, но не терять самообладание, уметь быть скромной, но и всегда демонстрировать свое превосходство. Уважать звать. Если тебя навестила знатная дама, угости и напои ее, и обязательно выпей с ней сама (если, конечно, добавляла Анна, для этого подходящее время). В случае вдовства женщина должна проявлять терпение и править мудро, не позволяя никому лишить ее этого права. Анна презрительно говорила о женщинах, которые после смерти мужа от испуга проливают горькие слезы и дают ненужные клятвы хранить вечную верность. Также осуждающе она относилась и к тем, кто быстро утешается и ведет себя легкомысленно. Ее любимое слово было «достойно». Именно так полагалось вести себя в любой ситуации.

Отдельный круг вопросов касался жизни принцесс и королев, подопечные Анны все были королевского происхождения. Настоящая принцесса должна жить с удобствами, но не роскошествовать; ее одежда не должна вызывать зависть, но должна подчеркивать особый статус и отличаться от одежды других, быть дорогой и элегантной. Принцесса не должна говорить слишком много, но и не должна молчать; она должна использовать разговор и чтобы высказать свою благосклонность, и чтобы замаскировать неудовольствие. Не должна никогда лгать, но и не должна раскрывать то, что знает, даже если ее спросят. Должна скрывать слабости и недостатки других. Должна уметь себя контролировать, учиться держать себя так, чтобы ни один мускул не двигался на лице без необходимости. Анна внушала Маргарет: «Знай, что даже маленькая ложь или проступок рождает великий укор. Никогда не верь в полноту и завершенность своих достоинств, но и знай себе цену».

Суть поведения женщины и королевы сводилась к главному принципу: «Твои глаза должны все замечать и ничего не видеть, твои уши должны все слушать и ничего не слышать, твой язык должен отвечать всем и ничего никому не сказать». Она советовала сохранять спокойствие и любила повторять фразу – «Привычка не делает монаха». Сначала Маргарет не понимала, в чем ее суть, но потом поняла. Анна внушала своим протеже, что все в жизни можно изменить и не надо опускать руки. Наша жизнь зависит от нас.

Маргарет любила слушать Анну. Та сидела в кресле, держа спину очень прямо, смотрела прямо в глаза своими пронзительными карими глазами, на лице не мелькало ни тени улыбки или какого-то чувства. Удивительно, но Маргарет все равно знала, что из всех своих воспитанниц Анна только к ней относится с симпатией (слово «любит» подразумевало слабость и никак не могло быть применимо к Анне). Но и девочки платили ей тем же – Луиза ненавидела свою наставницу и все ее внушения, Карлотта терпела и перебирала четки. И только Маргарет искренне занимало то, о чем говорила женщина, державшая в страхе весь двор, подчинившая своей воле и мужа, и брата, справлявшаяся и с бунтом высшей аристократии, и с недовольством черни.

Маргарет и Карлотта прошли на террасу. В такой день, как сегодня, им хотелось подольше побыть на воздухе. До них донесся легкий цветочный запах – расцветали садовые деревья в парке: замок славился своими яблонями и грушами. С Карлоттой было не так весело, как с Луизой, зато можно было помолчать и поговорить о том, о чем обычно стыдно говорить с посторонними. Девочки когда-то узнали, что отец Карлотты долго добивался руки матери Маргарет, и это делало их почти сестрами.

– Ты сегодня очень грустная, Маргарет, – начала Карлотта, – я еще во время службы заметила следы слез. Не позволяй никому ничего говорить плохого и не верь слухам, пока сама не узнаешь, что происходит.

Ну вот, опять. Что же это за слухи, которые слышали все, кроме нее самой?

– Я ничему не верю. Я вдруг стала скучать по Карлу. Я никогда раньше не думала, что он так нужен мне. С ним мы часто говорим о серьезных вещах, о перестройке замка, о военном походе в Италию.

Тут Маргарет спохватилась: одним из самых честолюбивых проектов молодого короля, а ему в июне должен был исполниться 21 год, был захват неаполитанского королевства, того самого, в котором царствовал дед Карлотты Фердинанд I. Бабушка Карла, Мария Анжуйская, также была дочерью неаполитанского короля, только по другой линии, так что, хоть и весьма относительно, но Карл мог претендовать на этот престол. За два года до разговора двух девочек на террасе амбуазского замка римский папа Иннокентий VIII, интриговавший, кажется, против всех итальянских территорий сразу, намекнул Карлу на такую возможность. И тот загорелся, вспыхнув юношеским задором. Прославить свое имя в веках завоеванием итальянского королевства! Что могло быть лучше! Теперь, когда благодаря его отцу Франция объединила свои разрозненные части под единой властью, осталась только непокорная Бретань, но и ее час

близок. Стране нужны новые походы и завоевания. Италия – страна загадочная для нынешнего времени, говорят, именно ее можно считать новым центром европейской культуры после падшей Бургундии. Карл собирался начать действовать, когда события в Бретани отвлекли его и французскую армию. Но Карлотте все это было, конечно, неприятно, и Маргарет попыталась перевести разговор на другую тему:

– Еще мы говорим о детях – какое это счастье и, главное, как это важно для страны!

Эта тема смутила обеих. Это с Луизой можно было легко обсуждать такие темы. Анна де Боже воспитывала своих подопечных в строгости, от них прятали фривольные романы и неприличные картинки, которыми был наводнен французский двор. Конечно, девочки давно знали, что и как происходит между мужчиной и женщиной, и Маргарет тайно ждала того момента, когда они с Карлом станут настоящими мужем и женой. Но обсуждать эту тему, как будто она младшая горничная с кухаркой, королеве не позволялось. Вздохнув, она спросила подругу:

– Что слышно из Бретани? Ты ведь больше общаешься с придворными. А мне еще и не рассказывают ничего – думаю, из-за моего отца, Максимилиана.

Да, разговоров было много. Французы подсмеивались, рассказывая о «диких» и «нелепых» немецких обычаях. Говорят, что для того, чтобы закрепить брак между Анной и Максимилианом, его представитель (поговаривали, что это был молодой красавчик, не чета носатому и немолодому уже эрцгерцогу) совершил дополнительный обряд, помимо церковного. Анну уложили в постель, пригласили многочисленных свидетелей, красавчик обнажил правую ногу и правую руку и, как был, в латах, улегся в кровать, не забыв положить между собой и герцогиней обнаженный меч. Кто-то утверждал, что все было еще глупее: королевский посланник быстро засунул голую ногу под простыню, где лежала Анна, и поспешно вытащил. Придворные потешались вовсю, стараясь делать это тайно от Маргарет – девочку любили. И хотя она была совсем чужой своему отцу, обижать насмешками ее не хотели.

Предполагалось, что эти нелепые действия, отголоски древних обычаев, давно вышедших из моды во Франции, должны были сделать брак нерушимым. Но, конечно, они не остановили короля Карла, возмущенного тем, что его согласие на брак не было получено, хотя это предполагалось согласно договору, заключенному между Людовиком XI и герцогом Бретонским, отцом Анны. Французская 50-тысячная армия захватила город Нант и продвигалась к Ренну, где спряталась несчастная герцогиня со своим двором и с теми немногочисленными защитниками, которых прислал ей на подмогу Максимилиан. Говорят, что Анна находилась в отчаянии. А ведь она была лишь немногим старше девочек.

Маргарет стало жаль Анну, богатую наследницу, за руку которой давно уже сражались самые видные дома Европы. Теперь еще и сирота, и ее единственная сестра, по слухам, находится при смерти. Бедная, одинокая Анна. Маргарет даже рассердилась на неведомого ей отца: заварил кашу, а теперь отсиживается где-то в стороне, воюет с Венгерским королевством, как будто оно важнее молодой беспомощной жены. Но еще больше ее расстроило то, что Карл, похоже, не скоро вернется в Амбуаз, да и про Анну ничего не было слышно. Что за важность такая? Почему она не хочет оставить брата?

Глава 2. Королевское застолье

Наступило время обеда. Опаздывать не разрешалось. Сегодня ко двору ждали гостей, так что Маргариту нарядили с особой тщательностью. Платье винного цвета, отороченное золотом, волосы заплетены в косы и уложены кругом, сверху золотая сетка. На грудь Маргарет повесила одно из фамильных украшений – три крупных драгоценных камня, обрамленных эмалью.

В главном зале замка был накрыт длинный стол. Гостей, согласно традиции, рассаживали с одной стороны стола, оставляя противоположную половину свободной, так что многочисленным слугам было удобно подносить блюда и угождать гостям. Во главе стола на стуле с высокой спинкой сидел Пьер, герцог Бурбонский, прибывший из своей резиденции в Мулене. Это был уже грузный пожилой мужчина, которого хитроумный Людовик XI выбрал когда-то на роль мужа для своей любимой дочери Анны. И не ошибся: брак оказался удачным и деятельным. Пьер де Боже, титул, который он носил изначально и передал его своей супруге, всегда и во всем поддерживал свою жену, отдавая должное ее незаурядному государственному уму. Но и сам не потерялся на ее фоне: сделал политическую карьеру при Людовике, стал вместе с женой опекуном молодого короля Карла, а теперь все больше времени проводил в своих землях, отдав власть при дворе своей энергичной жене. Три года назад один за другим скончались его старшие братья, и Пьер стал-таки герцогом Бурбоном. С этого момента он предпочитал свой наследный замок всем другим, а их у них с Анной было немало. Он управлял бурбонскими землями, покровительствовал искусствам, занялся перестройкой своего дворца и собора в Мулене.

Пьер собирался присоединиться к своей жене в Бретани, в Амбуазе он остановился по дороге к ней. Он получил от нее тревожное письмо, но никому не рассказал о нем. Он и сам видел, что Карл стал выбиваться из-под опеки своих родственников, и даже хитроумие его жены не могло справиться с ситуацией. Пьер не слишком любил племянника: он считал его недалеким, своевольным и страшно избалованным в детстве любящей матерью и беспокоящимся о здоровье наследника отцом. Не понимая, что в стране нет денег, молодой король задумал идти походом на Италию, как будто это была игра в солдатики, а не разорительная для Франции кампания. Его удалось отговорить, к тому же он отвлекся на войну в Бретани, но надолго ли? Да и эта вся заваруха с маленькой герцогиней: разве так надо было действовать? Разве не завещал ему король-отец – человек до крайности практичный – не воевать с Бретанью, а поддерживать мир всеми возможными способами? Никто не может понять, чего он там добивается. Требуется, чтобы герцогиня отказалась от немецкого короля и вышла замуж за того, кого ей выбрал сам Карл. И кандидатуры выдвигает жалкие – своих приближенных. Разве они могут соперничать с будущим римским императором? Глупо все это. Одна надежда, что Анна что-то придумала: зачем-то она вызывает его к себе. Странные слухи о планах Карла дошли и до герцогского дворца.

Ему страшно не хотелось оставлять свой дом: столько дел. Но он волновался за жену. В мае ей предстояло рожать, а она никак не могла успокоиться и оставить государственные дела хотя бы ненадолго. С тех пор как он женился на ней, двенадцатилетней девочке (ему самому в это время уже было 34, он был пятым, самым младшим сыном бурбонского герцога, и шансов на герцогский титул у него было немного), она всегда была в эпицентре всех событий королевского двора. Ей единственной доверял ее коварный отец, она твердой рукой руководила своим царственным братом, справилась с Людовиком Орлеанским, пытавшимся отнять у нее власть. Вот только наследника подарила пока одного, да и то слабого и болезненного. Он посмотрел на Шарля, понуро сидевшего рядом с Карлоттой Неаполитанской, и сердце его заняло: не жилец!

Маргарет подошла к дяде и поздоровалась, прежде чем сесть за стол. Согласно своему королевскому статусу, она не делала реверанс – все склонялись перед ней, одиннадцатилет-

ней девочкой. Склонился и Пьер де Бурбон. Ему захотелось погладить ее по голове. Она была покрыта модной и дорогой золотой сеткой, украшенной жемчугом, скрывавшей ее волосы. Как и все, он любил девочку и восхищался удивительным чувством достоинства маленькой королевы. «Не такой уже и маленькой», – подумал Пьер: его Анна была всего на год старше, когда он взял ее в жены. И тогда уже умела им управлять. Но в Маргарет не было заметно жесткости его жены, только удивительное достоинство. Как не похожа она на своих подруг: ни на меланхоличную, не выпускающую четок из рук Карлотту, ни на бойкую до дерзости Луизу. Все они – отпрыски королевских родов, но в Маргарет чувствуется какое-то особое, освященное веками благородство, рядом с которым остальные выглядят выскочками. Хотя обстоятельства и заставили его редко вспоминать о своем родстве с сестрой – многие годы он находился по разную сторону баррикад с ее беспокойным мужем, да и умерла она уже много лет назад, – он все-таки не забывал, что перед ним внучка его родной сестры. «Интересно, как девочка перенесет новость, если, конечно, это все правда?»

Маргарет с радостью заметила в зале среди гостей Луизу и ее брата Филиберта. Значит, они приехали и предстоит веселый вечер.

Длинный стол был покрыт белой скатертью. На столе были расставлены серебряные блюда, любовно приобретенные когда-то ее свекровью. Между ними лежали ложки и ножи у каждого прибора, а также хлеб и солонки с солью. Небольшие сосуды с лимонной водой около тарелки предназначались для омовения рук во время еды. Даже в отсутствие короля стол накрывали по-королевски. У стены на постаменте стояли кувшины разной формы и размера, в них были вина и другие напитки.

Гости заняли свои места. После произнесения предобеденной молитвы к каждому подошли по двое слуг: один держал чашу, другой – кувшин, из которого полил водой на руки, затем подал полотенце. Обед начался. Музыканты, расположившиеся на небольшом балкончике в стене зала, заиграли негромко на струнных инструментах. День был мясной, но и не праздничный, так что пищу подавали такую же, как каждый день. Перемены блюд разносились слугами неспешно, согласно давно заведенному ритуалу.

Вначале подали сладкое греческое вино гипокрас. Считалось, что сладкое «разогревает» желудок, открывает его для приема пищи. В последнее время увлечение теориями правильного питания достигло небывалых высот. Во многих знатных домах пищу принимали только согласно утвержденному врачами плану, полностью веря им свой желудок и здоровье, как когда-то слепо веряли свою судьбу предсказателям. Сладкое вино сопровождалось различной выпечкой и холодными мясными блюдами. Разносили жаркое, пироги с телятиной, пирожки с мелкой речной рыбкой, черную кровяную колбасу и подкопченные колбаски. Кровяную колбасу готовили в замке по особому рецепту, которым повара очень гордились: в свежую свиную кровь добавляли много рубленого лука, нутряной свиной же жир, порезанный мелкими кусочками, соль и специи – в них был главный секрет: традиционные гвоздику, перец, имбирь и тайные, которые повара тщательно скрывали. Эту смесь разливали в промытые кишки и варили в огромных чанах. Аромат разносился по всей Луаре, гости восхищались и тщетно пытались выяснить секрет приготовления.

Маргарет выпила сладкого вина, взяла маленький пирожок и смогла осмотреться. Большинство сидевших за столом были ей хорошо знакомы. Дядюшка Пьер располагался во главе стола на правах хозяина в отсутствие короля. Располневший в последнее время, он выглядел не обрюзгшим, а величественным.

Слева от него сидела Жанна, сестра Анны и Карла, дочь Людовика XI и супруга томившегося в темнице герцога Орлеанского. Их брак был катастрофой. Безжалостный Людовик выдал свою младшую дочь за главного претендента на его престол с одной лишь целью – лишить Орлеанскую линию наследников. Жанна была не только некрасива, но и не могла иметь детей. Кривой нос, маленькие глаза, узкие губы, ко всему этому еще и небольшой горб и хромая

походка. Жанна была не только некрасива, она и не пыталась ничего сделать со своей внешностью и была абсолютно лишена светского лоска: пренебрегала нарядами, не любила вести светские беседы, не умела флиртовать и выставлять напоказ свои достоинства. Вместе с тем она была прекрасно образованна: знала и любила поэзию, разбиралась в истории и математике, рисовала, вышивала и играла на лютне. Она была очень набожна. Но не той набожностью от безысходности ситуации, которую Маргарет отмечала в своей подруге Карлотте, а внутренней и естественной. Это был не побег от печальной жизни, а искренняя вера.

А жизнь Жанну не баловала. Совсем девочкой ее выдали замуж за красавца и весельчака Людовика. Страстная любовь к нему была главным грехом ее безгрешной жизни. Он же не только не любил свою жену, он ее ненавидел. Он, человек не злой и доброжелательный к людям, открыто насмеялся над той, которая терпеливо сносила его выходки. Его жестокие насмешки касались не только ее внешности и бесплодия, но он не гнушался в мужской компании высмеять и интимную сторону их жизни, выставляя несчастную Жанну чуть ли не чудовищем. Людовик открыто крутил романы с придворными красавицами, и уже не один малыш в благородных домах смотрел на мир его красивыми голубыми глазами. Самым большим счастьем в жизни Жанны были болезни Людовика – тогда она могла ухаживать за ним как самая преданная сиделка, которую он не мог прогнать, по крайней мере до своего выздоровления.

Но даже жестокость была лучше разлуки. Жанна страдала от мысли, что Людовик в темнице. Она умоляла поочередно то брата-короля, то сестру-регентшу освободить провинившегося мужа. В его отсутствие она управляла его землями, вела семейные дела и, конечно, много молилась. Маргарет по-своему любила Жанну, хотя и не была близка с ней: Жанна была молчалива и не сходилась ни с кем, предпочитая общению свое одиночество и молитвы. Только однажды, находясь в необычном возбуждении, она призналась маленькой Маргарет, что ей было явление во сне. Дева Мария предсказала некрасивой принцессе, что перед своей смертью она станет основательницей религиозного ордена. «Ты доставишь мне великую радость и будешь служить мне», – пообещала ей Богородица.

За столом Жанна была грустна, но спокойна. Она держалась удивительно достойно, хотя почти не разговаривала. Ела она крайне мало и полностью избегала мясной пищи. Похоже было, что она приняла какой-то обет, но мало кто интересовался делами и чувствами герцогини Орлеанской.

Среди других гостей обращал на себя внимание Франсуа де Лонгвиль, личность удивительная. Он был сыном знаменитого Жана де Дюнуа, больше известного как Жан Бастард Орлеанский, героического соратника Жанны д'Арк. Людовик I Орлеанский, сын короля Карла V и основатель Орлеанской линии, был его дедушкой, а нынешний Людовик Орлеанский приходился двоюродным братом. Это и погубило Франсуа, губернатора Нормандии и пэра Франции, унаследовавшего обширные владения своего отца и успешно расширившего их за счет пожертвованных Людовика XI, которому он сохранял верность в сложные периоды борьбы короля со знатью. К тому же они были свояками: жена Людовика была сестрой супруги Франсуа. Но после смерти короля Людовика он поддержал своего кузена герцога Людовика Орлеанского в борьбе с Анной де Боже за право регентства при малолетнем Карле и вместе с ним потерпел поражение. Затея была обречена на провал, не зря ее называли «безумной войной». Анна лишней раз доказала, что, назначая ее регентом, отец в очередной раз проявил свою дальновидность, и блестяще смогла справиться с ситуацией, практически избежав военных действий.

Именно в этих событиях особо отличился и приобрел доверие Анны де Боже Луи де Ла Трёмуйль, потомок древней и знаменитой семьи Пуату. Начав свою карьеру пажом при Людовике XI (его родители жили в фамильном замке в полуизгнании), он смог добиться и возвращения наследных земель, и положения при дворе, и особого расположения Анны. Рыцарственный, мужественный, обладавший еще и красивой, благородной внешностью, генерал де

Ла Тремуиль служил украшением французского двора и покорило немало сердец. Сейчас он сражался в Бретани.

Главный же зачинщик «безумной войны», Людовик II Орлеанский, двоюродный брат короля, был брошен в тюрьму, где он находился и в настоящее время. Карл временами порывался освободить своего родственника – когда-то они были дружны и играли вместе с маленькой Маргарет в саду Амбуаза, но Анна считала такой поступок преждевременным.

Вместе с другими видными аристократами пострадал и де Лонгвиль. Он был осужден за измену, но довольно быстро помилован и возвращен ко двору. Более того, ему удалось приобрести доверие недоверчивой Анны, и он смог стать ее главным советчиком.

Он жил с семьей в замке Шатоден недалеко от Шартра, куда его знаменитый и героический отец перенес свою резиденцию. Он также много времени проводил в своем замке Ланже, недалеко от Тура: это близко и к королю в Амбуазе, и к Анне де Боже, которая в последнее время полюбила замок Шательбро (год назад они с мужем выменяли его у Жана д'Арманьяка, герцога де Немура, и теперь она чаще предпочитала останавливаться там, чем в подарке своего отца – замке в Гиене). Маргарет как-то посетила семейство де Лонгвиль в Ланже, и замок не только ей не понравился, но и даже как-то испугал. Темный, неудобный, стоявший на берегу Луары, но так, что реку можно было увидеть, только поднявшись на высокое плато в парке, замок казался спрятанным в складках долины великой реки.

Вместе с Франсуа присутствовала на обеде и его жена Агнесса, доводившаяся тетей Луизе и Филиберту. Рядом с ней сидели ее дети: взрослая дочь Анна, вскоре собиравшаяся замуж; сын и наследник титула – двенадцатилетний Франсуа и младший Людовик, ровесник Маргарет. Именно он нравился юной королеве больше других: веселый, шумный, он не любил спокойных игр, был заядлый охотник и во время чинных прогулок по парку мог влезть на дерево или, спрятавшись в кустах, внезапно выскочить и радоваться всеобщему испугу.

Вся семья была одета в богатые и сшитые по последней моде одежды: Франция отчаянно сопротивлялась засилью бургундской моды и пыталась найти новые ориентиры в Италии. Глава семейства был в длинной бархатной бордовой тунике, деликатно отороченной дорогим мехом – чрезмерные меховые отделки вышли из моды в высших кругах; на груди красовалась массивная золотая цепь. Головы молодых людей украшали небольшие шапочки, сдвинутые слегка набекрень, украшенные перьями, расшитыми жемчугом. Их туники были короткими, в вырезе у шеи и на рукавах было видно, что все мужчины надели белые льняные рубашки – нововведение, только становившееся частью современного костюма. Женщины были в простых по покрою платьях, передняя часть которых была расшита золотыми нитями и драгоценными камнями. Семейство де Лонгвиля, похоже, совсем оправилось от опалы.

Франсуа собирался вместе с Пьером де Бурбоном присоединиться к королю и Анне де Боже в Бретани, его семейство направлялось в замок Ланже.

Де Лонгвиль рассказывал о переписке Анны де Боже, в которой он принимал участие.

– История запутанная: итальянец, самого неопределенного положения, то ли есть, что скрывать, то ли просто нечем гордиться. Жил в Италии, Португалии, сейчас вновь добивается аудиенции у испанской королевской четы. Это при том, что они ему уже несколько раз отказали. Он давно разъезжает по королевским дворам Европы – ищет деньги, и большие! В обмен обещает совершить какое-то великое путешествие, которое принесет и земли, и золото, и драгоценные камни, и особенно специи, спрос на которые все растет.

– О, да, – вмешалась его супруга Агнесса, – еще не так давно специи использовали только для нашего стола, а теперь все подряд стали добавлять их без разбора. А цены на них все растут. Как зовут этого авантюриста? – поинтересовалась она.

– Христофоро Колумбо. Он изучил старинные карты и труды древних мыслителей и утверждает, что земля в целом шарообразна, невелика в размере, и к тому же океан составляет всего где-то одну седьмую ее поверхности. А значит, плывя на запад от Португалии, по Атлан-

тическому океану можно за пару месяцев доплыть до восточных земель. Он собирается плыть на запад, чтобы достичь не только индийских островов, но и Китая, и Сипанго.

– Сипанго? А это что еще? – заинтересовалась Агнесса.

– О, это прекрасная страна, – вмешалась образованная Маргарет. – О ней писал венецианец Марко Поло, то самый, который путешествовал по Востоку. Это остров к востоку от Китая. Сам он там не был, но слышал, что это страна золота, из него там строят дворцы и украшают им все, что можно. Там множество драгоценных камней, а жемчуга невиданное изобилие: и белый, и розовый, и даже черный – он круглый и очень крупный. Жители – идолопоклонники, они белы, красивы, учтивы и независимы, никому не подчиняются. У них множество чудес, если, конечно, Поло не шутил: говорят, как все венецианцы, он был большой шутник. Например, они владеют заколдованными камнями, которые прячут во время сражений на груди, а в камнях тех такая сила, что на ком такой камень, не умереть тому от железа.

Эта история особенно нравилась Маргарет. Как все трезвые и спокойные люди, она в глубине души любила чудеса.

– Но главное, что обещает найти Колумбо, это специи – неизвестные еще острова, на которых растут душистый перец, благоухающая гвоздика, пряный мускат, нежная корица. Говорят, сейчас каждая пряность проходит через 12 рук, прежде чем попадает к нам на стол. В случае удачи экспедиции их можно будет прямо на кораблях завозить в Европу, причем не только в Венецию, как сейчас, а в любую страну. Колумбо обещает своим грандиозным морским походом навсегда изменить ход истории. И наш стол.

– Но все это очень похоже на авантюру и мошенничество, – настаивала Агнесса.

– Не думаю, – вмешался вновь де Лонгвиль, – герцогиня де Бурбон, как женщина большой мудрости, ответила этому Колумбо, что готова обсудить с ним детали возможной экспедиции, и он, кажется, собирается приехать теперь ко французскому королевскому двору. Если, конечно, освободив Гранаду от неверных, Изабелла и Фердинанд не передумают и не дадут ему денег. Сейчас никто уже не считает, что земля не может быть шаром и люди на другой ее стороне должны ходить вверх ногами. Поэтому у Колумбо есть много сторонников, но у них нет средств. А здесь нужны деньги, и очень большие. Успех же предприятия сомнителен, риск велик, а перспективы призрачны. Не освободив свои земли от мавров, как могут католические короли, как называют властителей Испании, думать о завоевании новых земель? Кто знает, может быть, Франции еще выпадет эта слава, если Колумбо встретится с герцогиней.

Слуги один за другим бесшумно разносили вторую перемену блюд. Подали зайчатину, тушенную с диким луком и специями, хвост кабана в остром соусе, розé из жаворонков (маленькие птички жарились, затем сдабривались миндалем, сахаром и специями – имбирем, гвоздикой, кедровым маслом, а самое главное – лепестками роз, придававшими блюду особо нежный вкус), бульон, приправленный смальцем, ветчину и окорока, пюре из угрей и свежешелловленную рыбу из Луары.

Гости на время замолчали, выбирая себе понравившееся блюдо, и Маргарет продолжила изучать собравшихся за столом.

К месту военных действий собрался и сидевший недалеко от нее Гийом де Брисоне, уроженец города Тура, назначенный еще Людовиком XI генеральным сборщиком налогов Лангедока. Он так ревностно исполнял свои обязанности, что умирающий Людовик порекомендовал де Брисоне своему сыну. Карл сделал его министром финансов и безоговорочно доверял ему. Гийом стал его главным противовесом довлеющей политике регентши Анны, которая все сильнее раздражала быстро взрослевшего короля, считавшего, что он созрел для самостоятельных решений и поступков. После смерти жены де Брисоне принял сан и был назначен епископом Сан-Мало. Его амбиции и страсть к интригам от этого только возросли. Он находился в тайной переписке с герцогом Лодовико Сфорца, фактически единолично правившим в Милане за спиной своего совсем юного племянника, и обещал ему склонить короля к вторжению в Неа-

поль, что успешно и осуществил, несмотря на протесты не доверявшей ему Анны. Подобного рода переговоры вел с ним и папа Иннокентий VIII, стремившийся укротить неаполитанское королевство. Было известно, что он также находился в контакте со всемогущим кардиналом Борджиа, который, наоборот, стремился предотвратить вторжение французов в Италию. По слухам, он даже намекал на возможность кардинальской шапки в случае, если станет папой вместо занемогшего Иннокентия VIII, а де Брисоне отговорит короля от планов итальянской кампании. Де Брисоне категорически отверг предложения всесильного кардинала, ко всеобщему удивлению тех, кто знал о его любви к интригам и власти. За всем этим, очевидно, стоял какой-то расчет, но никто не мог до конца понять честолюбивого финансиста-епископа.

Де Брисоне был одет строго, в соответствии с саном. Скрытое напряжение чувствовалось и в нем, но если остальные выглядели слегка подавленно, то де Брисоне скорее находился в приятном возбуждении. «У них у всех вид заговорщиков, – неожиданно подумала Маргарет, – что-то происходит. Зачем королю собирать вместе всех своих главных советников? Говорят, он даже собирается выпустить на свободу Людовика Орлеанского, чтобы тот мог присоединиться к военным действиям». Или мирным переговорам? Людовик по своему положению оставался первым претендентом на престол, только дети Карла и Маргарет могли изменить ситуацию (Маргарет раскраснелась от этой мысли, но не от смущения, а от удовольствия). Известно, что Людовик сватался к Анне Бретонской, как и многие другие аристократы, надеясь после смерти всесильного Людовика XI освободиться от ненавистного ему брака с Жанной. Поговаривали, что это был не просто политический шаг, но он был очарован достоинствами юной герцогини. Может быть, дело в этом? Король решил устроить судьбу Бретани и Франции через брак с близким родственником? Маргарет никак не могла отделаться от мысли, что ее дурные предчувствия и напряженность, царившие за обедом, как-то связаны с происходящим в Бретани, и пыталась найти простое и логичное объяснение возможным событиям.

Между тем обед и разговор шли своим чередом. Обсуждали Англию – страну, никогда не выходящую из умов французских политиков. Обострение же обстановки в Бретани неизбежно вызывало пристальное внимание английского двора: поговаривали, что Генрих VII собирает войско на помощь Анне Бретонской. Генрих Тюдор, сомнительные права которого на английский престол не так давно перестали быть темой разговоров во время обедов в европейских царствующих дворах, долгое время жил в Бретани, скрываясь от своих английских преследователей. Франциск Бретонский, отец Анны, держал его в Нанте на правах почетного пленника. Французы же оказали ему посильную поддержку 6 лет назад, когда его битва за английский трон увенчалась успехом. Неожиданно для всех жалкий пленник, беглец, никогда прежде и не живший в своей стране, неудачник, которого ни Ланкастеры, ни Йорки не рассматривали в качестве претендента, Генрих, придя к власти, оказался достойным правителем. По сути завоевав Англию с оружием в руках, он был более склонен к миру, чем к войне. Он всячески пытался примирить старых врагов: будучи Ланкастером, женился на Елизавете Йоркской, дочери Эдуарда IV, объединив таким образом две линии английских претендентов на престол, что он тонко обыграл, объединив в своем символе алую и белую розу. Торговля, экономическое благосостояние страны, пополнение государственной казны, развитие судостроения и судоходства, поиски новых торговых путей – вот что беспокоило нового короля. Ему, потомку двух незаконнорожденных линий английского королевского дома, были важны не слава и честь, не битвы и лавры героя, а благоденствие, мир и спокойствие как внутри страны, так и в отношениях с внешним миром.

– Как вы все знаете, – говорил де Брисоне спокойным ровным тоном повествователя-поведника, – Франция всегда поддерживала Ланкастеров, может быть, еще и потому, – он не сделал никакого движения в сторону Маргарет, – что герцоги Бургундские поддерживали Йорков. Вы помните, как они прятали короля Эдуарда, когда он ненадолго был изгнан из своей страны. Ланкастеры в определенном смысле одержали победу, Генрих, хотя и Тюдор, но их

ставленник. Но Йорки не успокаиваются: Маргарита Бургундская, – он продолжал смотреть прямо, как будто Маргарет не было за столом, – сейчас глава Йоркской оппозиции, ее дворец в Мехелене – центр всех интриг и заговоров против английского короля Генриха.

Маргарита Бургундская была бабушкой маленькой Маргарет, точнее, мачехой ее матери. Девочка ее не знала, как и другую родню, но получала временами от нее известия, очень аккуратные и малоинформативные. Знала она и о том, что имя свое получила в ее честь: мать Маргарет нежно любила свою мачеху. У бабушки воспитывался брат Маргарет, Филипп, пока еще формальный правитель того, что уцелело от герцогства Бургундского. Власть отца Маргарет, немецкого короля и будущего императора Максимилиана, свободолюбивые «нижние земли» так и не признали и до достижения Филиппом совершеннолетия фактически подчинялись Маргарите, жене последнего герцога Бургундского Карла Смелого.

– Вы помните скандал с самозванцем, которого Джон Саффолк пытался выдать за Эдуарда Уорика, племянника королей Эдуарда и Ричарда, то есть законного наследника английского трона? Маргарита тогда полностью его поддержала и «узнала» в нем своего племянника. Это в сыне-то оксфордского торговца Симнеле Ламберте! Бедный мальчик! Игрушка в руках интриганов. Король Генрих после разгрома его сторонников уготовил ему лучшую долю – место повара на своей королевской кухне. Забавно! «Племянник» гордой герцогини Бургундской чистит лук для супа английского короля.

Маргарет был неприятен этот разговор. Странное чувство шевельнулось в ее душе: она вдруг почувствовала какую-то близость к людям, над которыми насмеялся без малейшей улыбки этот темный человек, которого опасались даже собственные сыновья. Вмешаться она не могла, приходилось слушать.

– Ну если судьбу Ламберта можно считать устроенной, того же не скажешь о новом «родственнике» Маргариты, в котором она признала своего другого племянника Ричарда Йоркского, – продолжил тему де Лонгвиль. – Вроде бы он не умер в Тауэре вместе со своим несчастным братом Эдуардом, а чудесным образом спасся, вырос во Фландрии и сейчас уже высадился в Ирландии, намереваясь оттуда отправиться в Англию, чтобы отобрать трон у Генриха. Маргарита вновь не жалеет сил и средств на поддержание этой авантюры.

– Я слышал, – вмешался де Брисоне, – наш король Карл собирается поддержать притязания этого претендента. Генриха Тюдора преследуют и другие проблемы, – перевел он разговор на другую тему. – Англия до сих пор не пришла в себя от «потливого недуга». Эта странная и страшная болезнь пришла в Англию вместе с королем Генрихом, что многие посчитали дурным предзнаменованием. Которое, к счастью, пока никак не оправдывается.

– О да, – вмешалась в разговор Агнесс де Лонгвиль, – загадочная болезнь: вас тянет в сон, знобит, ломает, болит голова, мучит жажда и – почти сразу наступает смерть. Ни высыпаний, ни пятен, ни укусов клещей, ничего! Никто не знает, как ее лечить, от чего она происходит, как она уходит и откуда пришла.

– Ну, здесь у англичан позиция всегда определенная, – позволил себе почти усмехнуться епископ, – все зло приходит на их цветущий остров только из Франции. Никто не сомневается, что Генрих и его армия привезли с собой болезнь из французских земель. Она и правда появилась в Лондоне сразу после его торжественного въезда в этот город. А тот факт, что в самой Франции не было и нет ни одного случая того, что в Европе прозвали «английским потом», никого не смущает. Хотя в других странах уже известны случаи появления этого заболевания.

– Бедная Елизавета, – включилась в разговор Агнесс, – говорят, Генрих с ней неласков, сердится, что ему навязали это политический брак, что он крайне скуп и не балует свою королеву.

– А я знаю другое, – неожиданно тихим голосом произнесла Жанна, – моя кузина, находившаяся некоторое время со своим мужем при новом английском дворе, рассказывала, что

монаршую чету связывают очень нежные отношения. Король Англии и правда человек молчаливый и замкнутый, но он любит свою королеву и искренне к ней привязан.

Все замолчали от этого неожиданного вмешательства. Жанна очень редко говорила за столом, только в тех случаях, когда это было необходимо для соблюдения вежливости.

– Ну, про любовь я ничего не знаю, – заговорил после паузы епископ де Брисоне. – Но результаты этого союза уже вполне ощутимы. Враждующие стороны в общем и целом примирились благодаря браку этих двух королевских роз. Королева очень быстро подарила Англии наследника, родила потом дочь, а теперь опять ждут пополнения в семействе. Артур, принц Уэльский, подрастает и уже обзавелся весьма перспективной невестой – Екатериной, младшей дочерью Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. А вот как королева Елизавета может ужиться с матерью короля леди Маргаритой – великая тайна, которую знает только она одна. Эта «черная королева», как ее тайно называют, посвятила всю свою жизнь исполнению одной заветной цели: возведению на престол своего единственного сына. Она отдала этому все – деньги, ум, своих мужей, браки с которыми интересовали ее только с точки зрения полезности ее драгоценному дитяти. Она не испугалась разлуки – подумать только, она почти и не видела Генриха до того, как он стал королем. Но продолжала интриговать при всех многочисленных правителях, причем против представителей всех партий: она сама себе была партия. И это в то время, когда головы слетали с голов быстрее, чем яблоки с деревьев урожайной осенью. Шансов не было никаких. Но она победила! И сейчас преисполнена гордости и подлинно королевского достоинства. Хотя в ее крови нет ни одной капли законной королевской крови, все ее предки были королевскими бастардами. Она руководит своим сыном, вмешивается во все дела и открыто требует признания своего первенства перед женой короля, соблюдая протокол только в тех случаях, когда уже просто невозможно его нарушить, не потеряв своего достоинства.

Слева от Маргарет сидел итальянский ученый-дипломат, венецианец Эрмола Барбаро. Выходец из знаменитой венецианской семьи профессиональных дипломатов, он всячески подчеркивал свою страсть к науке, убеждая окружающих, что именно место профессора Падуанского университета является для него главным, а назначение венецианским послом каждый раз является для него неприятной неожиданностью. Кудрявый, румяный, голубоглазый, он производил приятное впечатление и удивлял обширными познаниями.

Маргарет почувствовала к нему невольную симпатию, хотя, будучи уже искушенной в европейской дипломатии, она и понимала, как мало можно доверять венецианскому профессиональному дипломату, «случайно» оказавшемуся при французском дворе в разгар обсуждения планов военного похода в Италию. Будучи посаженным за столом рядом с ней, он первым делом сообщил, что совсем недавно находился при бургундском дворе в городе Брюгге (видимо, тоже «случайно проездом»), где видел ее брата («очаровательный молодой человек!») и бабушку, вдовствующую герцогиню Бургундскую («очень интересная особа»). Маргарет промолчала. Она не знала ни своего брата, ни бабушки, а город Брюгге был в ее представлении холодным мрачным местом, совсем не похожим на веселую и цветущую долину Луары. Во всяком случае, такое представление складывалось у нее из рассказов окружающих. Последним соображением она поделилась со своим соседом. Он только загадочно улыбнулся и показал ей на красивый гобелен на стене, изображавший библейскую сцену: «Видите Иерусалим? Эти мощные башни, веселые башенки, ажурные колокольни и нарядные купола – не что иное, как Брюгге». Больше они к этой теме не возвращались.

Маргарет с удовольствием рассказывала удивлявшемуся всему итальянцу о блюдах, которые приносили на стол, – его этот вопрос крайне интересовал. Подали третью перемену.

Сначала внесли жаркое: из дикого кролика, куропатки, каплуна, оленины и других видов мяса. За мясом и птицей последовала жареная рыба: щука, карп, лаврак. Затем подали атлан-

тического осетра в желе, миноги в остром соусе, глазированное мясо. Все это сопровождалось «жареным молоком», или лече, и фрументи, разложенным на особые тарелки.

– Миноги у нас в стране медики рекомендуют не употреблять, несмотря на их превосходный вкус, – отметил Барбаро. – Вы наверняка помните, что их считают причиной смерти Генриха I Английского, наслаждавшегося ими в Нормандии, тогда еще являвшейся английской территорией. Рассказывают, что во времена императора Августа в первом веке до нашей эры жил всадник Ведий Полио. Он был приближенным императора, и тот назначил его управляющим провинцией в Азии. Полио прославился своим изысканным вкусом и изощренной жесткостью: провинившихся рабов он скармливал миногам, которых специально содержал для этой цели. Однажды один из рабов разбил хрустальную чашу. Взбесившийся Полио приказал бросить его в бассейн с миногами. Находившийся у него в гостях Август был настолько шокирован этим поступком, что не только спас раба, но и приказал перебить в доме Полио все ценные сосуды для питья. Нет, мы в Италии миноги не любим, – заключил дипломат. – К тому же они уродливы – похожи на отвратительных змей с огромным круглым ртом-присоской.

– Я читала труд Бартоломео Платины, – продолжила разговор Маргарет, решившая, что перед образованным человеком можно не скрывать своих знаний, в том числе и латыни, – библиотекаря Ватиканской библиотеки, не так давно скончавшегося от чумы. Это трактат «О благородных удовольствиях и здоровье». Там собрано множество рецептов итальянских блюд. Есть и пирог с миногами. Правда, сам Платина считает его совсем невкусным и приводит скорее для порядка. У нас же, во Франции, миноги ценятся очень высоко, особенно те, которые подают сегодня, – нантские.

«У нас во Франции» – почему-то сегодня Маргарет споткнулась об эту фразу. Что за странный день: призраки прошлого, неведомого ей и нежеланного, как будто столпились вокруг.

– Лече нам в Италии хорошо знакомо, его тоже называют жареным молоком, хотя блюдо считается испанским. Молоко, мука, специи сахар, и все это обжаривается в масле (мы предпочитаем оливковое, а вы здесь, как я понимаю, жарите в животном жире). Сверху сахар – подходит к любому блюду. А что вот это за бесформенная масса, которую поставили перед каждым и называют «фрументи»?

– О, это непременно сопровождение еды. Мне кажется, оно есть везде. Во всяком случае, в Англии и Фландрии его едят еще больше, чем мы. (Ну вот, опять это «мы»!). Главное здесь – это пшеничные зерна, сваренные в густую похлебку-кашицу.

– А, – догадался Барбаро, – это от латинского «frumentum» – «зерно».

– Добавьте много молока и яиц, и блюдо готово. В мясные дни, как сейчас, вместо молока часто добавляют бульон. И имбирь, хотя наш повар предпочитает обходиться без него. Иногда сахар, иногда специи, иногда куски мяса, овощи, кому как нравится. Но этот вариант – самый простой и базовый.

– А ярко-желтый он?..

– Из-за шафрана, который добавляют для яркости. В городе жители обходятся и без него, но за королевским столом это было бы слишком просто.

За столом зашел разговор о Московии, и Барбаро принял в нем активное участие:

– Мой дальний родственник, Иосафат Барбаро – сейчас он глубокий старец, а когда-то был славный путешественник и удачливый дипломат, – не так давно закончил книгу, в которой в частности описывает свое путешествие по Московии и Персии. На этом настоял венецианский дож Агостино Барбариго («Тоже мой родственник», – прошептал он Маргарет). Книга вышла презабавная. Вообще, мы в Италии, мне кажется, гораздо лучше знаем, что такое Московия, чем вы здесь, во Франции.

– Боже мой, но ведь это так далеко! – изумилась Агнесса де Лонгвиль. – Страшно даже представить, сколько времени туда добираться!

– Венецианец Аброджо Контарини подробно описал свой маршрут: он добирался 2,5 месяца, не спеша, с долгими остановками, посещением интересных мест и людей.

– Ну, это не так и долго. Но как там можно было жить, да еще и итальянцу! Говорят, что холод в тех местах ужасен: птицы замерзают на лету, а вода замерзает, вытекая из сосуда.

– Да, страшный московский холод поразил Иосафата. Особенно его удивил рынок в Москве: прямо на льду реки на ногах устанавливают замерзшие мясные туши, они тверды, как мрамор. Стоят, как живые, и смотрят мертвыми глазами перед собой. Бррр! Говорят, ужасное зрелище. Вообще же зима ему понравилась, – покрасовался за своего родственника итальянец, – особенно удобны сани, которые летят по снегу, – чисто, красиво и очень быстро. Летом из-за грязи по Московии не разъездишься, и кусает тебя все время кто-то – таких гигантских слепней, как там, он нигде не видел. Конечно, ему было трудно без фруктов, а винограда там нет вообще! Но продовольствия там невиданное изобилие – хлебом и мясом торгуют не на вес, а на глаз, не беда, если ошибутся. Они варят вкуснейший медовый напиток и пиво из проса, сбивающее с ног. До хмельных напитков русские большие охотники.

– Говорят, их правитель страшен во гневе, все перед ним дрожат. Борода его огромна, и сам он исполинского роста.

– Вида великий князь Иван обыкновенного, а боятся его многие. В прошлом году заболел его наследник, тоже Иван. Был прислан лучший венецианский лекарь, он осмотрел наследника и не сомневался, что сможет вылечить его. А тот взял да и умер. Ох и грозен был Иван. Лекаря казнил немедленно, да и все остальные итальянцы, живущие в Москве – строители, художники, архитекторы – затаились на время, ждали, пока все успокоится. Мы так думаем, что отравили князя. У нынешней жены Ивана – греческой царевны – свой наследник подрастает, зачем ей кто-то еще.

– Пугают тесные сношения римского короля и императора с Иваном, – вмешался де Лонгвиль, которого больше интересовали международные взаимоотношения, чем зарисовки жизни других народов и сплетни. – Фридрих и Максимилиан уже не раз посылали туда послов и соглядатаев. Говорят, Иван даже предлагал Максимилиану свою дочь в жены. А Фридрих московскому царю – королевский титул.

Он взглянул на Маргарет: речь шла о ее отце и деде.

– Оба отказались, но теперь Иван все чаще в дипломатической переписке называет себя «царем», кесарем, значит.

– О да, ответ был достойный, – вновь вмешался Барбаро. – «Мы, Божьею милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы; а постановления как прежде мы не хотели ни от кого, так и теперь не хотим». Мол, покровительство императора не нужно великому князю московскому, он государь по праву рождения и по силе божественного установления.

– В подарок императору Иван послал 40 соболей и две великолепные шубы, одну беличью, а другую горностаевую, – вновь обратился Барбаро к дамам. – А в ответ император Фридрих послал князю лучшего бархата.

Разговор был прерван четвертой подачей. На этот раз принесли легкую пищу. Подали свежую рыбу из Луары а ля додин, аппетитный рис яркого цвета, сваренный в густую кашу с мясным бульоном и шафраном, «бурри» с острым соусом (крошечные, на один укус, отварные кусочки мяса с травами) и «вывернутые» угри.

Итальянец заинтересовался соусами.

– Во Франции их гораздо больше, чем в Италии.

– Соус додин – самый простой: его основа – это миндаль, чеснок и яйца, наш повар добавляет луарское вино. Я вам советую попробовать угрей. Их варят на пару, выворачивают мясом наружу и обильно приправляют густым соусом, состоящим из хлеба, протертого с вином, соком

молодого винограда, уксусом и смесью приправ, среди которых толченые имбирь, корица, гвоздика, мускатный орех и райские зерна.

– В Италии многое иначе, – сообщил Барбаро Маргарет. – Мы вообще по-другому относимся к еде. Наверное, это идет еще от античных времен, но для нас в еде главное общение, беседы, ритуал поведения, сама по себе пища – лишь добавка к некоему общественному действию. А пищу мы любим простую. Хотя, конечно, в высших домах сейчас не принято кормить просто, что поделаешь, общеевропейская мода предписывает определенные правила! Есть у нас и гурманы, тратящие состояния на изыски. Но в целом хлеб, вино, оливковое масло, сыр, сезонные фрукты и овощи и разные травы – вот и все, что надо для удовольствия.

– А все-таки, если посмотреть на стол, что в Италии иначе? Для нас тоже все вышеперечисленное – основа основ. Но не может же быть, чтобы в блюда не добавлялись пряности, которые вы, венецианцы, поставляете всей Европе?

– О нет, конечно, пряности – это всеобщее и повсеместное увлечение, и уже не одно столетие. Хотя мы, итальянцы, имеем более долгую историю, чем остальные, и, что важно, записанную на бумагу. Так вот, если верить древним трудам, пряности не всегда в таком количестве заполняли тарелки. Признаюсь, и сейчас мы в Италии предпочитаем использовать ароматные травы. Среди них розмарин, мята, петрушка, базилик, душица, иссоп, шалфей. Что касается специй, то, мне кажется, нигде в Европе нет такого пристрастия к ним, как у вас во Франции. Что еще? – продолжил итальянец. – Вы любите животное масло, мы его совсем не знаем. Зато фрукты у нас используют в еде гораздо больше, и они значительно разнообразнее. Лимоны и апельсины – наша слабость, мы добавляем их везде, где можно. И еще сладости – мы очень любим сладости, наши повара, мне кажется, не знают здесь равных. Ваши же десерты, на мой вкус, слишком тяжелые и однообразные: вы непременно добавите туда крупу, муку, жир. И опять все те же специи, так что в итоге сладкое мало отличается от основных блюд.

За столом чинно сидела и молодежь: Луиза, Карлотта, Филиберт, Шарль де Бурбон. Были и новые лица. Юную Шарлотту д'Альбре Маргарита видела впервые. Златокудрая красавица в пышном платье выглядела испуганно. Ее отец, Аллен д'Альбре по прозвищу Великий был главой дома д'Альбре и внуком знаменитого Шарля д'Альбре, коннетабля Франции, одного из выдающихся военачальников Столетней войны с Англией. Удачная женитьба самого Аллена заметно укрепила и без того могущественный род, принесла в наследство графство Перигор, виконтство Лимож и некоторые права на наследование Бретани. А недавняя женитьба сына Аллена Жана сделала последнего королем Наварры. Но все это сейчас висело на волоске, так как д'Альбре был одним из самых яростных защитников Бретани, до последнего надеялся на возможность своего брака с Анной Бретонской и только на днях, уступив силе, добровольно сдал Нант и перешел на сторону короля. Его дочь была, конечно, гостьей в Амбуазе, но еще и чуть-чуть заложницей. Младшая дочь в семье, всеобщая любимица, она чувствовала себя скованно в помпезной обстановке королевского двора и мечтала о своем любимом замке Ламбри на самом юго-западе Франции, фамильной колыбели их рода, где она жила с матерью и незамужними сестрами, о южном солнце, медлительном темпе жизни, запахе чеснока, который нельзя было выветрить из комнат (его не только ели каждый день, но и раскладывали в жилых помещениях, отгоняя «злых духов»).

Внесли антреме. Согласно моде, этот «перекус» между подачами был вычурный и театральный, он был призван скорее развлечь гостей, чем накормить. Тема нынешнего была «Высокорожденные». Птицы, летавшие высоко в небе, считались принадлежностью стола избранных мира сего. Их подавали в том числе и на королевских приемах, хотя мясо некоторых из них считалось не особенно вкусным. Повара в прошлом придумали своего рода «обман»: набивали кожу лебедя гусиным мясом или павлина – свиной, так что на стол вносились благородные и прекрасные птицы, а в рот попадало нежное мясо. Но это было в прошлом – теперь никто и не думал выдавать антреме за вкусную еду, это была уже игра в чистом виде.

Птиц выносили одну за одной, их было множество, причем на стол их сразу не ставили, а носили под музыку перед гостями, чтобы все могли оценить и полюбоваться. Кого тут только не было: павлины на блюде, выложенном зеленой травой, лебеди на «водной поверхности» из голубого желе, цапли и выпи в камышах, целующиеся голуби на ветках. Зажаренные птицы выглядели совершенно как живые, в этом, а не в их вкусе, было высшее мастерство кулинара. Перья некоторых из них украшали искусно сделанные бумажные цветы, пропитанные различными цветочными ароматами и благоухавшие. Зал стал похож на пышный сад, наполненный птицами. Музыканты пытались подражать звукам, издаваемым птицами.

Потом музыка заиграла громче и энергичнее. В зале появились танцоры и мимы: они представляли сценку из истории троянской войны. Представляли самое начало истории: похищение Елены. Старый муж-неудачник, прекрасная дева и мужественный Парис – все было разыграно забавно и ярко. Причудливые костюмы, рожденные фантазией художника-портного, много блеска и ярких цветов. Вдруг сердце Маргарет сжалось: она узнала знакомую символику. Она не бросалась в глаза, но была абсолютно узнаваема. Причудливую шляпу старика украшала нелепая двуглавая курица, которая не могла быть ничем иным, как намеком на имперского орла. В волосы Елены были вплетены подобию горностаевых хвостиков – символ Бретани и Анны Бретонской. Совершенно не к месту Маргарет вспомнила старую легенду, в которой рассказывалось о герцоге Бретани Алене Кривобородом. Спасаясь от норманнов, он был остановлен грязной и мутной разлившейся рекой. Он уже приготовился ее переплыть, как увидел бегущего горноста, который вдруг резко обернулся и остановился: рискуя быть растоптанным скачущими лошадьми, он предпочел смерть грязи. Эта картина устыдила Алена, остановившего свое войско и вступившего в битву с врагом. Старые книги по геральдике писали: «Маленький этот зверек до того чистоплотен, что лучше даст себя поймать, чем перейдет через мокрое и нечистое место, чтобы не замарать своего хорошенького меха». Маргарита подумала, что Анна сейчас похожа на горноста – маленький, загнанный в тупик зверек, пытающийся сохранить свою чистоту. Было грустно думать, что «охотники» – люди, тесно связанные с Маргарет: ее отец, супруг, тетушка.

Наконец, героический Парис имел большой картонный кривой нос и ожерелье из ракушек. Фамильный нос рода Валуа нередко высмеивался шутами, особенно, когда возникали слухи о незаконнорожденности королевских отпрысков. Ракушки же намекали на орден святого Михаила, учрежденный Людовиком XI, ожерелье которого было составлено из полукруглых раковин морского гребешка, символизирующих в свою очередь святого Иакова. Карл VIII, одним из первых получивший этот орден, носил его по всем торжественным случаям.

Маргарет посмотрела по сторонам. Казалось, кроме нее, никто ничего не заметил. Впрочем, по лицам этих опытных царедворцев было трудно что-либо понять. Юная королева постаралась выкинуть увиденное из головы и попыталась прислушаться к тому, что происходило за столом. Разговор стал перескакивать от темы к теме. Единственное, о чем упорно избегали разговоров, это о ситуации в Бретани. Хотя было очевидно, что все за столом думали именно об этом.

Молодежь в общий разговор не вмешивалась – кодекс поведения детей из благородных семей предписывал им молчание за общим столом. Только Маргарет на правах королевы полагалось развлекать собеседников и оказывать им знаки внимания. За столом она заметила двух людей, которые были не только ей незнакомы, но и заметно отличались от окружающих. Она обратилась к сидевшей справа от нее Жанне с вопросом, кто эти люди и услышала короткое – Филипп де Коммин и мадам де Равенштейн. Маргарет посмотрела на Коммина с нескрываемым интересом и скрытым волнением. Пожилой мужчина, с прямым носом и длинным до плеч волосами, в которых была заметна седина, одет было старомодно и строго, держался спокойно и достойно, хотя и взглядывал иногда на нее. Она кое-что слышала о нем, знала, что он верно служил ее деду, бургундскому герцогу Карлу Смелому, потом перешел на службу к Людовику

XI и продолжил верную службу у смертного врага своего бывшего господина. Он был известен своим изворотливым умом, славился афоризмами и всегда был, что называется, себе на уме. Безумие «безумной войны» охватило и его, а скорее, человек с сильной волей и собственной позицией не смог ужиться с правлением Анны де Боже. Он поддержал герцога Орлеанского, оказался в тюрьме и даже некоторое время провел в железной клетке, построенной еще его покровителем и господином Людовиком XI. Не так давно он был отпущен, помилован и большую часть времени проводил в своем поместье в Дрё в окружении своей семьи. Очевидно, ему разрешили вернуться ко двору. Возможно, это связано с итальянскими планами Карла: Коммин считался знатоком итальянской дипломатии.

За время обеда он почти не вмешивался в разговор, изредка вставляя небольшие замечания. Только когда речь шла о Генрихе VII Английском, он позволил себе длинную тираду:

– Я близко знал графа Ричмонда, как он звался в прежние времена, нынешнего короля Генриха. Я находился в Бретани, когда Ричмонд и его дядя пытались бежать во Францию и были схвачены. Франциск, герцог Бретонский, недавно умерший, обходился с пленниками мягко. Генрих провел в почетном плену более 15 лет. Встречался я с ним и после смерти короля Эдуарда, когда герцог Бретонский снабдил своего бывшего пленника людьми и судами и отправил в Англию. Наш король тоже помогал ему. Так что короля Генриха Английского я знаю не понаслышке. Мое мнение таково: король Ричард III преступил все человеческие законы, когда умертвил своих малолетних племянников. Возмездие было неизбежно. И Господь очень быстро послал королю Ричарду врага, у которого не было ни гроша за душой и, как мне кажется, никаких прав на корону Англии – в общем, не было ничего достойного, кроме чести; но он долго страдал и большую часть жизни провел пленником. В тот момент, когда Ричард, умертвив своих врагов, преисполнился великой гордыни, Господь послал ему совершенно ничтожного врага. Произошло сражение, и на поле боя погиб король Ричард, а граф Ричмонд на том же поле короновался короной Ричарда и стал королем Англии Генрихом VII. Разве можно назвать это все Фортуной? Это же истинный суд Божий! Господь в наше время платит наличными, не откладывая на будущее, за проявленные жестокости. Он наказал и многих других в то же самое время. И продолжает наказывать.

Он говорил спокойно, весомо и уверенно, хотя и негромко. Реплика его была встречена молчанием, после чего разговор возобновился.

Сидевшая рядом с Коммином дама явно приехала издалека: ей было за шестьдесят, на ней было простое темное платье и черный чепец. Окружающие обращались с ней почтительно, она же была немногословна. Что-то смутное из рассказов о прошлом стало всплывать в памяти Маргарет. Она вспомнила, что даму, ее гувернантку, крестную и одновременно двоюродную бабушку звали Анна де Равенштейн, и именно она привезла маленькую принцессу во Францию. Почему она здесь? При французском дворе не любили даже упоминать про бургундское происхождение Маргарет, не то что принимать ее родственников и соотечественников.

Создавалось впечатление, что бургундское прошлое юной королевы сегодня решило напомнить о себе. Маргарет давно перестала верить в случайности; при королевском дворе, особенно руководимом твердой рукой расчетливой Анны, ничего просто так не происходило. Во всяком случае, в жизни молодых дам, находившихся на ее попечении. Маргарет нисколько бы не удивилась, если бы узнала, что подборка сотрапезников за столом была сделана Анной, находившейся далеко в Бретани. Да, но с какой целью и в чем был великий смысл?

В заключение обеда подали груши, засахаренные фрукты, сладкую и сморщенную мушмулу, очищенные орехи, вафли и вновь гипокрас, сладкое вино с добавлением специй. Согласно медицинским воззрениям, сладкая пища «закрывала» желудок после еды и облегчала процесс пищеварения, подобно тому, как процесс варки идет быстрее в кастрюле, закрытой крышкой.

После соблюдения формальностей по отношению гостям Маргарет попрощалась с ними. К ней подошел Филиберт.

– Я так рад вас видеть, миледи. Маргарет! Мы сможем сегодня поговорить? Я привез новые книги и хотел показать их вам. Я смог достать копию карты Паоло Тосканелли, той самой, на которой показан весь мир. Там видно, как достичь берегов Индии через Атлантику – то, о чем говорили сегодня за столом. Говорят, именно этой картой пользуется Колумбо, работая над планом своей экспедиции. Я верю, что это будет величайшим событием нашего времени.

Маргарет улыбнулась над его мальчишеским восторгом. Она опять почувствовала себя его старшей сестрой, хотя и была немного младше годами.

– Я с удовольствием посмотрю эту карту, вы же знаете, как я люблю слушать про путешествия. И мне еще надо отыграться, я помню, что проиграла вам в шахматы в последний раз. Но все это не сегодня. Завтра сразу после службы мы сядем с вами на террасе. А после обеда обязательно поедem на охоту. Я очень рада видеть вас, Филиберт, – совершенно искренне добавила Маргарет.

Он и правда ей очень нравился – тихий, спокойный, читатель и мечтатель. Конечно, с ним было не так весело, как с Людовиком де Лонгвилем, не так захватывало временами дух от озорства, того самого, что было не свойственно самой Маргарет и оттого столь высоко ею ценимого. Но он был надежный и преданный, и ей было с ним интересно. Он знал об этом и старался каждый свой приезд удивить ее чем-нибудь, как в этот раз, например, новомодной картой. Сейчас все в высшем обществе увлекались путешествиями, картами, разного рода новинками, привозимыми из открываемых земель, и достать такую карту было непросто.

Последним Маргарет подошла к дядюшке Пьеру де Бурбону и попросила его кланяться тетушке, выразив надежду, что скоро сможет увидеть ее. К своему удивлению, она заметила колебание у него на лице. Вдруг он ласково приобнял ее и неожиданно сказал: «До свиданья, дорогая! Я уезжаю завтра рано утром, твоя тетушка нуждается в совете и помощи. Прошу тебя, помни, что иногда самые большие несчастья и разочарования приводят нас к новой жизни. И эта новая жизнь может оказаться великой. Счастье – удел детей, а ты теперь взрослая».

Маргарет прошла в кабинет, примыкавший к ее спальне, размышляя над словами дяди. Настроение, немного поднявшееся во время оживленного обеда, опять упало. Но расстроиться она не успела, на нее налетел вихрь: Луиза ворвалась почти без стука, опередив придворную даму. И хотя Маргарет старалась не нарушать этикет и сохранять достоинство во всех ситуациях, подруге она обрадовалась. Когда они остались вдвоем, Луиза выплеснула на свою внимательную собеседницу поток информации. Замок Коньяк, где ей предстояло жить, ей понравился. Она останавливалась в своей будущей комнате, специально отремонтированной и украшенной для нее, и она ей понравилась. Но, что самое удивительное, ей понравился и ее муж Карл: при королевском дворе он выглядел несколько потертым на фоне молодых придворных, но в своих владениях это был настоящий хозяин. И Луиза попала под его обаяние. Его внешность, первоначально отпугивавшая ее, стала казаться ей привлекательной: нос не кривой, а с горбинкой, глаза не маленькие, а глубоко посаженные, борода и усы, немодные при дворе, удивительно шли ему, так же как и короткие волосы (вся молодежь сейчас увлекалась длинными, на итальянский манер). У них с Карлом оказалось и много общего: они говорили о книгах, о последних событиях во Франции, о живописи и музыке. Им нравились одни те же вещи, и это несмотря на то, что он старик и ему уже 31 год!

Маргарет радовалась за подругу. Она знала, какое это счастье – быть женой любимого человека, строить с ним планы будущей жизни, мечтать о нем и ждать встречи. С удивлением она увидела, что ее бойкая подруга покраснела и замялась:

– Пообещай, что никому не расскажешь и не будешь смеяться? – совсем по-детски попросила Луиза.

Маргарет, засмеявшись, обняла подругу – ее скрытность была хорошо известна окружающим, она на деле воплощала наставления своей покровительницы: «никогда никому и ничего не рассказывай, даже если тебя спрашивают». Глупо было даже спрашивать, было ясно, что Луиза взволнована.

– Знаешь, там есть некоторые странности. Но они меня не смущают, – поспешно добавила она. – В доме моего мужа я познакомилась с приятной дамой, Антуанеттой де Полиньяк, она сейчас кастелянша в замке, а будет моей фрейлиной. Она была очень добра ко мне.

Луиза явно оттягивала время признания.

– Так вот, она только что родила малышку, очень милую. Это дочка Карла и он признал ее.

Маргарет была ошарашена. Конечно, многие придворные имели и любовниц, и детей. Анна де Боже не поощряла разговоры об этом, но правда все равно просачивалась. Но одно дело взрослые придворные, а другое дело твоя подруга. Маргарет успела поставить себя на место Луизы, подумать о своем Карле. Она бы вряд ли смогла отнестись к такому спокойно. Ревность уже не раз закрадывалась в ее сердце. И хотя она и стыдилась этого недостойного чувства, но сделать с собой ничего не могла. Она бы еще поняла, если бы речь шла о прошлом – взрослый мужчина не мог быть один, это она знала. Но судя по тому, что она услышала, муж Луизы не собирается ничего менять в своей жизни.

Луиза продолжала смущенно смотреть на подругу.

– Это еще не все. Есть и другая, Жанна, тоже очень милая, поверь. Карл сказал, что у нее тоже скоро будет малыш. Да, и она тоже живет в замке. И будет жить с нами. Ну вот, я все сказала и сразу стало легче. Знаешь, я не могу тебе это объяснить, здесь и сейчас мне все это кажется очень странным самой. Но там, в нашем доме, все было как-то просто и понятно. Конные прогулки вокруг замка, пикник у ручья, чтение книг вслух, ужин при свечах. Он целовал меня у двери в спальню. А потом шел к ней, я знала это. И мысленно представляла их вместе. Но мне почему-то не было обидно, а только как-то беспокойно, я не могла уснуть, думая о том, что они там делают. Да, и с которой из них? Впрочем, это все мои выдумки, я ничего не видела.

Маргарет молчала. Еще одно правило настоящей принцессы: молчи, если не знаешь, что сказать.

– Знаешь, когда мы сидели вместе, рядом, он иногда касался меня рукой, гладил, ласкал, и во мне что-то замирало, в груди вспыхивало пламя, а внизу живота все леденело и сжималось. Иногда он внимательно смотрел на меня и спрашивал о таких вещах, какие даже мы с тобой никогда не обсуждаем. Что мне нравится и не нравится, что приятно, а что нет. Однажды он посадил меня на колени и спросил, приятно ли мне. В другой раз прилег рядом во время прогулки на берегу реки и просто смотрел на меня. Мне было и сладко, и неловко. Он такой взрослый, такой опытный, а ему явно доставляло удовольствие возиться со мной, с девчонкой. Ты же знаешь, тетушка установила срок нашей настоящей свадьбы – мои пятнадцать лет. А я больше не хочу ждать! В Италии в моем возрасте некоторые жены уже имеют детей!

Луиза разнервничалась и стала говорить громко. Маргарет, наконец, пришла в себя.

– Не надо, чтобы о твоих чувствах знал весь двор, – остановила она подругу.

– Ты не осуждаешь меня?

– Вовсе нет. Это твой муж, и тебе решать, что для вас правильно, а что нет. Я лишь хочу, чтобы все у тебя получилось, вот и все. Я знаю, как тебе тяжело здесь. Но ведь мы вместе, потерпи немного. Мне без тебя было грустно. И не с кем поговорить по душам. Я очень скучаю по королю Карлу и тоже хочу быть рядом с ним. Только мне ждать дольше, чем тебе.

– Когда я перееду к мужу, я обязательно приглашу тебя в гости. Тетушка непременно разрешит это, я же буду замужняя дама, а мой Карл к тому же ее родственник.

Маргарет сильно сомневалась в том, что тетяпустит ее к Луизе и Карлу: беспокойный нрав ее подруги все хорошо знали, а о распутстве герцога Ангулемского шептались придвор-

ные и слуги. Она бы и сама не поехала. Королеве не пристало оказаться впутанной в темную историю. Но она заверила Луизу, что непременно приедет к ней погостить.

После ухода подружки Маргарет долго сидела у окна и размышляла. День получился тревожный и полный сюрпризов. Хорошо, что вся формальная его часть позади. Охоту на сегодня отменили, высокие гости были заняты обсуждением важных вопросов и сборами – отъезд их был назначен на раннее утро. Можно будет почитать, поиграть в шахматы с дежурной придворной дамой, поужинать в одиночестве. Она любила быть одна. Весь мир исчезал, и казалось, что она вот-вот поймет что-то очень важное, вечное и прекрасное. Приходило умиротворение и радость. Именно это испытывала одиннадцатилетняя Маргарет, сидевшая у раскрытого окна и смотревшая на то, как вечер спускается на долину Луары. Загорелись огоньки на острове напротив замка, стало еще уютнее.

Раздался стук в дверь. Фрейлина принесла свечи и сказала, что мадам де Равенштейн просит принять ее. Маргарет втайне ждала этого визита. Она понимала, что дама из прошлого здесь не случайно и что именно она, Маргарет, причина этого.

Некоторое время пожилая дама молча пристально разглядывала девочку. На Маргарет вдруг снизошло удивительное спокойствие. В замке все высокородные особы приходились друг другу в той или иной мере родственниками. Но никто и никогда не смотрел на нее так: внимательно и ласково, тревожно и умиленно, со слезами на глазах. Они сидели друг напротив друга в высоких креслах. Внезапно мадам де Равенштейн наклонилась вперед и взяла юную королеву за руку.

– Вы позволите?

Маргарет молча кивнула и почувствовала ласковое пожатие. Так они и сидели, в молчании, пока старуха не выпустила руку, выпрямилась и начала вновь разговор.

– Я здесь по приглашению Анны де Боже, вашей опекунши. Мне было непросто приехать, но я рада, что выбор пал на меня. Герцогиня де Бурбон считает, что вам пора узнать о своем роде. Вам ведь наверняка здесь ничего не рассказывали.

Маргарет снова молча кивнула. Она не знала, что и подумать: все эти годы всякое упоминание о ее семье было под негласным запретом. Она знала, конечно, что происходит из дома герцогов Бургундских, что род ее был богат и знатен, этого нельзя было не знать. Но потом наступал провал, случилось что-то страшное, о чем предпочитали умалчивать. Еще о ее прадеде иногда рассказывали, некоторые даже с плохо скрытым восхищением. А вот о деде практически никогда. Ей казалось, что он совершил какой-то ужасный проступок, поэтому она и сама избегала разговоров о нем. Что же касается матери – иногда Маргарет казалось, что ее просто не существовало. В своих тайных мыслях она представляла ее то феей, то русалкой, то таинственной дамой, приручившей единорога.

Маргарита вызвала дежурную фрейлину и попросила ее никого не впускать, пока они не закончат разговор. Принесли еще свечей, фрукты, сладкое вино со специями, любимый юной королевой жареный миндаль в сахаре и корице. Дамы уселись поудобнее, и старшая начала рассказ.

Глава 3. Тени прошлого

Мой отец, ваш прадед, Филипп, прозванный Добрым, был великий человек, – начала свой рассказ Анна Бургундская, леди де Равенштейн. – Я думаю, о нем и его эпохе еще сложат легенды и напишут тома. Хроники его деяний начали вестись еще при его жизни, так что потомкам останется подробная память о нем. Даже его внешний вид говорил о необыкновенной величии. Он был строен, широк в плечах, его пронзительные глаза смотрели на мир гордо и пронизательно. Густые волосы, широкие брови, сильные руки, тонкая талия, но самое главное – удивительная осанка: он держался всегда прямо, с удивительным врожденным достоинством. О нем говорили, что одна только его внешность выдает в нем императора, достойного короны. Он был вспыльчив и мог быть суров, но всегда отходчив и по-настоящему добр. Он был немногословен, но всегда говорил по существу. Любил спортивные состязания, поединки, турниры, прекрасно стрелял из лука и был неутомимым игроком в теннис. Это не мешало его любви к чтению и искусству. Он любил хорошую еду, но ел умеренно. Устраивал праздники, собирая гостей, маскарады, театральные постановки, музыкальные концерты. Одно время они с двором устраивали регулярные литературные состязания, упражняясь в искусстве сочинительства. Проводил дни и еще больше – ночи в развлечениях и удовольствиях, даже получил особое папское разрешение на проведение мессы после двух часов дня. При всем этом мог смастерить деревянные башмаки, починить сломанный нож, выточить иглу и лезвие.

Он был любезен в обращении, щедр к друзьям, весел, ироничен и чрезвычайно нравился дамам. К ним он имел особый подход и особую слабость. Не считая трех законных жен, он славился большим количеством любовниц. Таких насчитывалось около тридцати, и это только тех, о которых знали все. У него было не менее 17 незаконнорожденных детей, и всем он дал титул, деньги и место или мужа. Большинство из нас воспитывалось при герцогском дворе. Богемский посланник как-то поразился тому, в каком почете (и количестве) растут незаконные дети герцога от мала до велика. Разница между старшим и младшим бастардом была 45 лет! Старший из них, Корнелий, бывший губернатором герцогства Люксембургского, погиб в битве при Базеле почти за 15 лет до рождения самого младшего, Филиппа, принявшего сан, много воевавшего и ныне активно вовлеченного в политику при дворе вашего брата. Мы с ним дружны, и, по правде сказать, лучше всего ему удастся коллекционирование произведений искусств и покровительство художников, чем дипломатия и политика.

Дети герцога его не опозорили. Многие верно служили не только самому Филиппу, но и после его смерти – новому герцогу, его единственному законному ребенку Карлу Смелому, и потом его дочери, вашей матери, Марии. Одни стали полководцами и политиками, особенно прославился Антуан, который гордо носит прозвище «Великий бастард Бургундский». Филипп его очень любил, может быть, больше всех своих сыновей. Трое стали священнослужителями, из них двое дослужились до епископства. Дочери выданы замуж за представителей лучших фамилий Европы. А я была назначена гувернанткой к вашей матери и находилась рядом с ней с первого и до последнего дня ее жизни. Я служила бы и вам, если бы вас силой не забрали у родных.

Да, Филипп был человек удивительный. Его двор был самым роскошным в Европе, самым веселым, и вместе с тем самым куртуазным. Бургундия стала законодательницей мод и символом высокого вкуса. Все остальные пытались и не могли подняться до той высокой планки, которую установили бургундские герцоги, и в первую очередь Филипп, в одежде, еде, пирах, убранстве домов, различных видах искусства.

Он был и выдающимся политиком. Он основал Орден Золотого Руна, который сейчас стал, наверное, самым главным орденом, причем общеевропейским. Стать его кавалером – великая честь для каждого, включая коронованных особ. Многие потом пытались подражать

ему. Например, ваш свекор, Людовик, в пику основавший орден святого Михаила. Но разве он может сравниться по значению и важности! Не говоря уже о пышности церемониала.

Начало его правления началось при печальных обстоятельствах – был предательски убит его отец, Жан Бесстрашный. Это был страшный удар для Филиппа. В убийстве был замешан тогдашний наследник французского престола, будущий король Карл VII, еще и доводившийся Филиппу шурином. Бедная Мишель! Она так и не оправилась от этого удара: любимый брат – виновник подлого убийства отца любимого мужа. Это было слишком для нежной и хрупкой герцогини, незадолго до этого потерявшей единственную малютку дочь. Она слегла и вскоре умерла. С гибелью герцога Жана началось длительное противостояние между французской короной и герцогами бургундскими, продолжающееся и до сих пор, несмотря на все катастрофы недавнего времени. Герцог Филипп поддержал англичан в их притязаниях на французский престол, именно по его приказу была схвачена и передана англичанам Жанна д'Арк.

Филипп не любил воевать, но делал это почти всю жизнь: французский король, император священной римской империи, фламандские города, поочередно бунтовавшие, – все они не позволяли ему надолго сложить оружие. Но больше всего его занимали проблемы его собственного герцогства. За свое правление он собрал под своим крылом огромные территории, предпочитая их покупать или приобретать дипломатическими путями, не чураясь – что скрывать – и обмана, и подкупа. «Великий герцог Запада» – величал он себя, и не без оснований.

Надо сказать, что герцогство Бургундское было (и есть) разбросано по Европе. Этот сложный конгломерат делился в целом на три большие части. Его первооснова, сердце, если можно так сказать, это земли на востоке Франции – герцогство Бургундия, графство Бургундия (или Франш-Конте, как оно теперь чаще называется) и другие. Вторая часть – так называемые нижние земли, в которые входили Фландрия, Голландия, Зеландия и прочие. Наконец, третью часть составляли земли на севере Франции, когда-то входившие в ее состав, например Булонь и Пикардия. Есть еще центрально-европейские княжества и герцогства, формально независимые, но фактически находившиеся в зависимости от Бургундских герцогов. Это так, примерно, чтобы вы представляли себе. Так вот парадокс заключается в том, что сейчас Бургундией называют преимущественно северные земли, с тем, изначальным герцогством Бургундия никак не связанные (там, теперь во французских уже владениях, это название тоже сохраняется).

В детстве я недолго жила в доме матери. Сказать по правде, я не помню ни дома, ни матери. Вся моя жизнь отдана бургундскому дому, и только там я знала и радости, и горести. Постарев, я стараюсь больше времени проводить в тишине своего дома в замке Вейнендале, но настоящая жизнь была и есть для меня только при бургундском дворе и том, что от него осталось.

Я забыла рассказать о вашей прабабке, третьей жене Филиппа и матери его единственного законного ребенка. Изабелла была дочерью португальского короля Жуана I и Филиппы Ланкастерской, дочери английского короля Генриха IV. Когда герцог Филипп посватался к ней, ей было уже за тридцать, но это не остановило бургундца. Для Бургундии этот брак означал выгодный союз одновременно и с Португалией, и Англией. Она получила превосходное воспитание: знала множество языков, изучала дипломатию, много читала и прекрасно разбиралась в искусстве. Помимо этого, эта дама обладала удивительным, поистине королевским чувством собственного достоинства, к тому же была глубоко религиозна. Понятие долга было не пустым звуком для нее.

Бургундский двор поначалу шокировал ее. Те, кто знал ее еще португальской принцессой, прибывшей на кораблях с двухтысячной свитой, чтобы сочетаться браком с герцогом Бургундским, рассказывали мне, что она была похожа на монашку. Среди пышного, веселого и даже фривольного двора она казалась потерянной и совершенно ему чуждой. К тому же она все время мерзла: после жаркой солнечной Португалии холод и сумрак Фландрии и Голландии сначала крайне угнетал ее; в этом плане земли подлинной Бургундии на юге и дворец в Дижоне

нравились ей гораздо больше. Но самым главным ударом для нее стало поведение ее мужа, Филиппа. Он окружил ее заботой и вниманием, осыпал драгоценными подарками, но сразу же дал понять, что не собирается ничего менять в своей жизни: его двор продолжал регулярно пополняться бастардами, и надо сказать, что и я родилась через несколько лет после их свадьбы.

Трудно сказать, что чувствовала Изабелла, но поступила она как королева. Она сопровождала своего супруга всегда и везде, была неутомима в советах и помощи, очень быстро освоила бургундские моды и этикет и стала их главной законодательницей. Что самое удивительное, ей удалось завоевать симпатии бургундцев, обычно крайне недоверчиво относящихся к чужеземцам. Причем ее приняли за свою в самых разных частях этого пестрого по составу населения герцогства. Очень скоро Филипп понял, что нуждается в ней как ни в ком другом. Именно Изабеллу он оставлял регентшей во Фландрии в период своего отсутствия. Она встречалась от его имени с французским королем Карлом VII, вела переговоры о торговле с англичанами, выступала перед жителями восставших фламандских городов. И самое главное – наконец-то подарила Бургундии наследника, да какого! Красавца, богатыря, воина, получившего потом прозвания «смелый», «могучий», «грозный». Сына своего она любила до крайности, хотя и скрывала свои чувства. И только ее любовь к нему могла встать между нею и супругом, по отношению к которому она исполняла свой долг много лет.

Мой отец, ваш прадед, Филипп был первым бургундским герцогом, предпочитавшим жить на севере своих владений. Больше всего он любил Фландрию. Дижон продолжал формально оставаться столицей герцогства, но Брюссель и Лилль с ним успешно соперничали. Герцог редко жил подолгу на одном месте – по крайней мере, до определенного возраста (а правил он без малого 50 лет!). Его двор путешествовал вместе с ним. Эти переезды тоже поражали воображение. Только пожитки герцога перевозили в 75 повозках, из них пять перевозили драгоценности, четыре везли любимые гобелены герцога, одну занимали музыкальные инструменты, и еще одну – специи; у супруги герцога Изабеллы было 15 своих повозок. Трудно даже представить себе, как выглядел этот передвижной двор и какое впечатление он производил на жителей городов и деревень, через которые проезжал.

Но маленькие дети, конечно, не сопровождали все это великолепие. Вот и я выросла во дворце в Брюсселе, где заботливые няньки и воспитательницы обучали меня уму-разуму. К восемнадцати годам я неплохо умела танцевать, вышивать, держать себя в «обществе». С другими детьми мы нередко разыгрывали сценки различных приемов, балов, торжественных встреч, а наши наставницы указывали нам на допущенные промахи в поведении. Я любила читать, неплохо разбиралась в искусстве и говорила одинаково хорошо на французском, фламандском и немецком. Шахматы были моей любимой игрой, и много лет спустя я передала эту страсть вашей матери. Время от времени приезжал герцог со своим великолепным двором, и тогда наша жизнь превращалась в сплошной праздник: нам разрешали присутствовать на многих торжествах, при условии, что мы сидели отдельно и никому не мешали. Это было чудесно! Я считаю себя очень счастливой женщиной хотя бы потому, что мне довелось жить в то время, которое уже сейчас стало легендой. И это при том, что в жизни моей было много бед, и самая страшная – падение того самого дома, в котором я выросла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.